

Е.А. Давыдова¹

ВЛАСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СТОЙБИЩАХ АМГУЭМСКИХ ОЛЕНЕВОДОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ В. Г. КУЗНЕЦОВОЙ)

В статье рассматриваются властные отношения в контексте различных сфер социальной жизни оленных чукчей: хозяйственно-экономической деятельности, обменных отношений, кочевом быте, пространственном поведении и его символизме, конфликтах, насилии. Основной задачей стало определение конкретных проявлений процессов властвования / подчинения в повседневной жизни семейно-родственных коллективов амгуэмских оленеводов. Многочисленные примеры отдельных жизненных ситуаций показывают, что власть была неотъемлемой составляющей интеракции и непосредственно влияла на действия людей. Суть отношений доминирования / подчинения заключалась в том, что одни акторы структурировали действия других. Кроме того, рассматриваются способы аккумуляирования человеком разных видов капитала, другими словами, некоторые пути приобретения власти, существовавшие у амгуэмских чукчей.

Ключевые слова: Властные отношения, Чукотка, амгуэмские чукчи, оленеводство

E.A. Davydova

POWER RELATIONS AMONG AMGUEMA CHUCKCHI (BASED ON MATERIALS OF V.G. KUZNETSOVA)

This article investigates power relations in the context of different spheres of social life of reindeer Chukchis: economic activities, exchange relations, nomadic life, spatial behavior and its symbolism, conflicts, violence. The key goal is to identify specific manifestations of the processes of domination/subordination in the daily life of family groups of Amguema reindeer herders. Through giving numerous examples of everyday life situations it is shown that power was an integral part of the interaction and influenced people's actions: some actors structured the actions of others. The research also analyses the ways of accumulating different types of "capital", in other words, some ways of acquiring power that existed among Amguema Chukchis.

Keywords: power relations, Chukotka, Amguema Chukchis, reindeer herding

¹ Исследование выполнено за счет гранта РФФИ (проект № 17-78-10125).

Введение

В рамках данной статьи будут рассмотрены властные отношения в контексте различных сфер социальной жизни оленных чукчей: хозяйственно-экономической деятельности, обменных отношений, кочевого быта, пространственного поведения и его символизма, конфликтов, насилия. Основной задачей станет определение конкретных проявлений процессов властвования / подчинения в повседневной жизни семейно-родственных коллективов амгуэмских оленеводов. Через приведение многочисленных примеров отдельных жизненных ситуаций будет показано, что социальная асимметрия существовала у чукчей и непосредственно влияла на действия людей. Кроме того, будут рассмотрены способы аккумуляирования человеком разных видов капитала, другими словами, некоторые пути приобретения власти, существовавшие у чукчей.

В данной работе властные отношения фактически будут проанализированы на примере конкретной оленеводческой семьи и ее окружения (соседних стойбищ). Речь пойдет о семье, в которой большую часть своей экспедиции проживала Варвара Григорьевна Кузнецова — этнограф, работавшая в Ленинградском отделении Института этнографии Академии наук СССР в середине XX в. История ее экспедиции, а также источниковедческое значение сохранившихся полевых дневников уже обсуждались в литературе (см. [Михайлова 2014; Давыдова 2015; Михайлова 2015; Хаховская 2016]). В рамках данного исследования, не ставящего целью анализ полевого опыта советского этнографа, следует привести лишь самую общую информацию об экспедиции Варвары Григорьевны и оставленном ею архивном наследии.

Исследовательница проводила полевую работу в Амгуэмской тундре Чукотского района² с 1948 по 1951 гг. Ей удалось присоединиться к одному из стойбищ, хозяин которого — Тымнэнэнтын — был председателем колхоза «Тундровик», образованного буквально на глазах этнографа в 1948 г. [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 336. Л. 63; Д. 403. Л. 25 об.; Д. 404. Л. 2]. Поселившись в его яранге, В.Г. Кузнецова

² Ныне Иультинский район Чукотского автономного округа.

фактически прожила в этой семье три года. Если была возможность, она посещала соседние стойбища и гостевала в них. Однако жила она именно в яранге Тымнэнэнтына вплоть до смерти ее хозяина весной 1951 г. Это уникальный опыт трехлетнего включенного наблюдения. Исследовательница непрерывно находилась в тундре на протяжении нескольких лет, погружившись в различные виды деятельности, составлявшие повседневную жизнь оленевых чукчей.

Экспедиционные материалы В.Г. Кузнецовой, хранящиеся в архиве МАЭ РАН, состоят из полевых тетрадей, отчета и переписанных набело уже в Ленинграде полевых записей [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 334–408]. Полевые тетради представляют собой ежедневные дневниковые записи. В.Г. Кузнецова старалась фиксировать все события, происходившие за день в стойбище, в котором она находилась. Она отмечала, когда люди просыпались, что ели, чем занимались в течение дня, о чем разговаривали, спорили, над чем смеялись, куда уходили из стойбища и кто приходил в гости. Подчеркну простоту и безыскусность ее записей. В них практически нет теоретических обобщений, научных гипотез, осмысляющих происходящее, редко встречается научная терминология.

При прочтении дневников схватывается ситуация происходящего в целом: описания людей, их действий и разговоров, природного ландшафта, собственных впечатлений и чувств исследовательницы представлены нераздельно. Тексты дневников — это цельные повествования, в которых, как в литературном произведении, раскрывается место действия и круг действующих лиц с указанием их имен, внешних и психологических характеристик, а порой их биографий и генеалогий. Постоянно вводя читателя в контекст происходящих событий, автор последовательно рассказывает о жизни амгуэмских чукчей и этнографа среди них. Дневники Варвары Григорьевны — это не лоскутное одеяло, «сшитое» из фольклорных текстов, этнографических описаний, зарисовок, интервью с информантами и выписок из архивов и документов местной администрации, а история жизни людей с именами и лицами³.

³ Имеется в виду архив фотоматериалов [Михайлова 2014: 112–133].

Аргументация, таким образом, будет построена на основе анализа полевых дневников В.Г. Кузнецовой. При этом будет привлекаться информация и из других источников, в частности, классических этнографических описаний чукчей XIX–XX веков. Она позволит сопоставить локальные данные по конкретной семейной группе с примерами из других коллективов, регионов и временных периодов. Использование дополнительного сравнительного материала поможет не только перейти к более широким обобщениям и выводам относительно властных отношений в чукотских семейно-родственных коллективах, но и дать более глубокие интерпретации описаниям, представленным в дневниках В.Г. Кузнецовой.

Стойбище Тымнэнэнтына

Представлю краткое описание жителей стойбища, ставшего своего рода домом для В.Г. Кузнецовой почти на три года. Главой хозяйства являлся старик Тымнэнэнтын 1882 г.р. [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 337. Л. 1 об.]. Данная дата указана в «Списке населения Амгуэмской тундры», составленном бригадой Чукотского райкома партии во главе с И.Ф. Гуциным и переписанном В.Г. Кузнецовой в ее полевой дневник. Таким образом, в 1948 г. ему было уже 66 лет. Возможно, указанная дата ошибочна. Во всяком случае, сам Тымнэнэнтын 26 июня 1949 г. насчитал себе 54 года [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 339. Л. 69]. На момент знакомства с ним В.Г. Кузнецовой его женой была Гувакай — молодая женщина лет тридцати (по ее собственным подсчетам) [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 339. Л. 69]. В упомянутом списке ее годом рождения значится 1860 г., т.е. согласно нему ей было уже далеко за 80 лет на момент знакомства с В.Г. Кузнецовой [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 337. Л. 1 об.]. Но, как отметила Е.А. Михайлова, «на фотографиях Гувакай выглядит скорее молодой женщиной, чем древней старухой» [Михайлова 2014: 121].

Гувакай была не первой женой Тымнэнэнтына. Предыдущих жен звали Кау и Науго [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 349. Л. 11 об.; Д. 351. Л. 11 об.]. Об этих женщинах известно только то, что они, а также сын Тымнэнэнтына и Науго, умерли осенью 1946 г. во время эпидемии кори [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 351. Л. 11 об.]. Первый муж Гува-

кай, Гырголкай, тоже умер во время эпидемии [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 351. Л. 11]. От первого брака у Гувакай было трое детей. Двое из них, девушка Омрувакатгавыт (лет 16) [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 364. Л. 45 об.; Д. 339. Л. 69] и мальчик Омрыятгыргын (лет девяти) [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2, Д. 339, Л. 69] тоже стали жить у Тымнэнэнтына. В сентябре 1949 г. умерла и Гувакай [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 340. Л. 13 об.]. Уже зимой у Тымнэнэнтына появилась новая молодая жена — Эттыкутгевыт [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 341. Л. 12]. Дети Гувакай после ее смерти остались в яранге Тымнэнэнтына. Однако в 1951 г. Омрувакатгавыт перешла в другое стойбище [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 380, Л. 4–6].

Еще одним обитателем яранги Тымнэнэнтына был его племянник, сын его умершей сестры — юноша Ятгыргын (1932 г.р.) [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 337. Л. 1 об.; Д. 347. Л. 8]. Его родные братья, Онпыгыргын (1933 г.р.) [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 337. Л. 1 об.; Д. 347. Л. 8] и Таёквун (1937 г.р.) [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 337. Л. 1 об.] жили в соседней яранге — в семье младшего брата Тымнэнэнтына — Тымнэлькота [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 337. Л. 1 об.; Д. 347. Л. 8; Михайлова 2014: 125]. У Тымнэлькота (1910 г.р.) было две жены: старшая Чейвуна (1910 г.р.) и младшая — молодая девушка Тынены [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 334. Л. 20 об.; Д. 337. Л. 1 об.; Д. 365. Л. 76]. Обитателем яранги Тымнэлькота была также девочка-сирота Тынены [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 376. Л. 1. 4; Д. 357. Л. 8].

Итак, в 1950–1951 гг. — стойбище Тымнэнэнтына состояло из перечисленных выше жителей. В 1948–1949 гг. упоминаются и другие люди, ставившие свои яранги в этом стойбище (см. [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 334; Д. 335; Д. 336; Д. 339]. Летом 1951 г., после смерти Тымнэнэнтына, произошли новые «перестановки» [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 391. Л. 62; Д. 392. Л. 3 об.].

Состав чукотских коллективов, кочующих и выпасающих стада совместно, был не очень стабилен. Он постоянно обновлялся, на что обратила внимание В.Г. Кузнецова [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 367. Л. 86]. Данную особенность чукотских стойбищ подмечали и прежде. А.В. Олсуфьев в конце XIX в. писал, например, что «чукчи не признают своей принадлежности тому или другому обществу, свободно перекочевывая в пределы соседнего и далее» [Олсуфьев

1896: 92]. В.Г. Богораз писал, что организация стойбища оленных чукчей очень неустойчива и слаба и число семей, «пребывающих вместе», меняется почти каждый год [Богораз 1934: 94–95]. Стремясь подчеркнуть текучесть состава семейных коллективов у чукчей, исследователь отмечал, что «отдельный человек, живущий одиноко, является основной единицей чукотского общества» [Богораз 1934: 91].

Стадо хозяйства Тымнэнэнтына весной 1951 г. суммарно насчитывало порядка 900 голов [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 403. Л. 34]. Часть принадлежала колхозу, часть числилась в личном пользовании людей. Зимой 1949 г., например, колхозное стадо составляло 170 оленей [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 336. Л. 63]. Собственником являлся не только Тымнэнэнтин. В тетрадке В.Г. Кузнецовой по учету оленей за 1949 г. как владельцы обозначены также Ятгыргын и Тымнэлькот [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 338. Л. 1 об.]. Однако наибольшее число голов в стаде принадлежало именно Тымнэнэнтину. Если у Ятгыргына, согласно подсчетам В.Г. Кузнецовой в мае 1949 г., общее число его личных оленей составляло 69, а у Тымнэлькота — 85, то у хозяина стойбища — 370 [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 338. Л. 1 об.].

Таким образом, у главы стойбища, Тымнэнэнтына, было наибольшее количество оленей в собственности. Еще миссионер А. Аргентов отмечал в середине XIX в., что «в лагере у оленных чукчей переднее место всегда занимает тот, у кого более оленей» [Аргентов 1857 а: 90]. «Переднее место» в стойбище у чукчей символизировало главенство в коллективе [Богораз 1934: 95].

Авторитет Тымнэнэнтына, таким образом, в семейной группе подкреплялся его родственным статусом (старший брат, дядя, муж, отчим), возрастом (старик 66 лет, самый старший член группы), экономическим положением (владелец подавляющего числа оленей в стаде) и, если использовать термин П. Бурдьё [2001: 96–103], «символическим капиталом» (например, он был председателем колхоза).

Тымнэлькот был хозяином второй яранги. Он был помощником и советчиком брата, но при этом слушался его и выполнял его распоряжения. Тымнэлькот часто заходил к Тымнэнэнтину в ярангу, и они обсуждали хозяйственные дела [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 374.

Л. 11 об.; Д. 375. Л. 4 об.; Д. 384. Л. 6 об.]. После смерти старшего брата младший стал главой хозяйства. Во всяком случае, В.Г. Кузнецова стала называть стойбище Тымнэнэнтына «стойбищем Тымнэнькота» или «Тымнэнькота-Ятгыргына» [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 391. Л. 6 об., 8 об.; Д. 393. Л. 10]. Ятгыргын, Онпыгыргын, Омрыятгыргын, Таёквун являлись пастухами стада [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 339. Л. 54 об.; Д. 357. Л. 2 — 2 об.; Д. 394. Л. 29 об.]. Жены Тымнэнэнтына и Тымнэнькота обозначаются в дневниках как «хозяйки» [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 380. Л. 4 — 4 об.; Д. 381. Л. 2]. Омрувакатгавыт, Тымнены и Тынены — как девушки-работницы [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 357. Л. 7; Д. 365. Л. 71].

Отмечу еще одно стойбище, жители которого будут не раз упоминаются. Его хозяином был Номгыргын, сводный брат Тымнэнэнтына: у них был общий отец, но разные матери [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 347. Л. 8; Д. 351. Л. 5 об.; Д. 353. Л. 6 об.; Михайлова 2014: 127]. У него было три жены и собственное стадо [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 338. Л. 1 об. — 2; Д. 353. Л. 7 об.]. Номгыргын был влиятельным человеком. В.Г. Кузнецова называла его «достопочтенным чукчей» [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 336. Л. 15 об.]. Тымнэнэнтын и Номгыргын объединяли свои стада на летний период и ставили яранги неподалеку друг от друга [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 345–354]. В зимний период они, разделив стада, согласовывали друг с другом маршрут кочевания и старались держаться на расстоянии быстрой пешей доступности (приблизительно 300–500 м) [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 364. Л. 53, 82; Д. 365].

Хозяин стойбища и его роль в хозяйственно-экономической деятельности коллектива

Значительная часть трудовой деятельности у оленных чукчей была связана с нуждами стада. Как говорил оленевод Иван Вуквукай, «Не олень для человека, а человек — для оленя» [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 1412. Л. 78]. Все люди так или иначе участвовали в работах, имеющих отношение к уходу за оленями. При этом властный ресурс влиял на характер деятельности, в которой принимал участие человек.

Сильный хозяин стойбища, авторитет которого был высок как среди жителей его яранг, так и среди жителей соседних, должен был хорошо разбираться в тонкостях оленного дела и руководить присмотром и уходом за стадом. Таким лидером был Тымнэнэнтын, управлявший всем процессом, направленным на сохранение и процветание стада. За свою жизнь он, судя по всему, сумел значительно преумножить его поголовье. Ведь дед Тымнэнэнтына, перешедший от занятий морским зверобойным промыслом к оленеводству, имел лишь пять важенок [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 396. Л. 41 об.]. Тымнэнэнтын гордился своими умениями оберегать оленей. Он с гордостью заявлял, что «никогда не станет *нымтумгын* (пастухом — перев. с чук.) у кого-нибудь из богатых» чукчей [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 367. Л. 86 об.]. Безусловно, удача в оленеводстве была лишним подкреплением авторитета главы хозяйства.

Тымнэнэнтину приходилось решать целый комплекс вопросов. Одним из важнейших был вопрос о маршруте кочевания. В советское время для определения пастбищных территорий стад организовывались землеустроительные экспедиции. Например, Ю.В. Чесноков упоминает такую экспедицию в своем полевом дневнике, проводившуюся в 1976 г. в совхозе «Марковский» и определившую схему сезонных пастбищ бригады [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 1412. Л. 23 об.]. В доколхозный период оленеводческие хозяйства самостоятельно определяли маршруты кочевков. Так как выбор хороших мест служил залогом благополучия стада, успех в оленеводстве зависел от опыта главы хозяйства и решения, принятого им в конечном итоге. Тымнэнэнтын хоть и был колхозником, сохранял независимость в решении повседневных задач и все маршруты выбирал самостоятельно.

Тема предстоящих кочевков была излюбленной у чукчей и поднималась регулярно [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 382. Л. 11 об.; Д. 394. Л. 37 об. — 38]. О предполагаемом месте зимовки могли начать говорить еще летом, и, наоборот, о летнике задуматься уже зимой. В июне 1951 г. Тынагыргын, житель из стойбища Номгыргына, делился с В.Г. Кузнецовой планами их хозяина на осень, зиму и даже следующее лето: «Как только взойдет следующий <...> месяц, будут

праздновать *нын'энрирукэн*⁴. А затем отремонтировать и делать нарты и кочевать на Паратку, на Амгуэму. С кочевкой будут спешить, так как здесь у моря задерживаться рискованно. Поднимутся ветры. У Паратки, в горах Иульгина, они задержатся, а затем, если позволит наличие корма, зимовать будут или на Энмоуне, или недалеко от 87 км. На будущее лето 1952 г. <...> Номгыргын будет кочевать на Вэлмэй, там много рыбы» [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 394. Л. 37 об. — 38].

Однако в реальности эти планы были весьма приблизительны, так как впоследствии менялись неоднократно, порой в последний момент и по несколько раз в день. Слова Тынагыргына («если позволит наличие корма») весьма характерны. Маршрут определялся буквально в процессе кочевания. В направлении постоянно вносились коррективы. Тымнэнэнтын вместе с Тэмнэлькотом и иногда Ятгыргыном ездили по тундре и выбирали места для предстоящей кочевки. Они высматривали наличие ягеля, хвороста, воды, характер снега [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 366. Л. 3 об. — 4, 31].

Иногда маршрут кочевки мог измениться на прямо противоположное направление, если выяснялось, что оно выбрано неправильно. Именно так произошло с ярангами Номгыргына в ноябре 1950 г. Еще в конце лета планировалось, что Тымнэнэнтын и Номгыргын зимовать будут в районе Большого Тэлека [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 355. Л. 4 об.]. Во время осенней кочевки к тем местам на стадо напали волки, загрызли несколько десятков оленей, а остальных разогнали [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 365. Л. 15]. К счастью, их удалось найти. Но хозяин стада, Номгыргын, проинтерпретировал это событие как знак того, что стойбище движется в неправильном направлении. Его нужно было обязательно поменять, иначе стали бы происходить несчастья. Номгыргын советовал и Тымнэнэнтину, с которым они кочевали совместно той осенью, сменить маршрут. А четырехлетнему ребенку из стойбища Номгыргына даже приснился сон, что Тымнэнэнтын умрет, если не повернет обратно со своим стадом [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 365. Л. 44].

⁴ Следует полагать, имеется в виду праздник осеннего убоя оленей [Кузнецова 1957: 265].

В.Г. Кузнецова записала в своем дневнике 20 ноября 1950 года:

«Тымнэнэнтын был не разговорчив, пасмурен. Сказал, что утром у Номгыргына четырехлетняя дочка Номгыргына сказала, если будете кочевать в Майнытэлек, случится несчастье (какое несчастье, я не поняла, кажется, смерть Тымнэнэнтына). Хозяйка ахнула, сказав: “Не нужно кочевать туда”» [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 365. Л. 44 — 44 об.].

Тымнэнэнтын пошел на компромисс: он разошелся с Номгыргыном и продолжил кочевку в том же направлении — вдоль рек Большой и Малый Чануан, но к Большому Тэлеку идти не стал. Этот случай служит одной из иллюстраций к той пластичности в выборе направления кочевания, которая была свойственна чукчам.

Маршрут кочевки порой выбирался прямо на ходу: непосредственно во время перемещения высматривали хорошие места для прохода нарт. И в этом деле решение принимал Тымнэнэнтын. Во время кочевки к летнику в 1949 г. В.Г. Кузнецова записала: «Днем кочевка, снега очень мало, путь трудный. Сначала Тымнэнэнтын вел первый караван, потом передал его Тымнэлькуту, а сам шел пешком впереди и выбирал места для проезда всех караванов» [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 339. Л. 41 об.].

Об этой особенности перемещений оленных чукчей писали и прежде. Например, Г.Л. Майдель обратил внимание, что чукчи, кочуя в начале лета, искали полосы снега для облегчения продвижения нарт [Майдель 1894: 175]. Н.Ф. Каллиников заметил, что «глава стойбища, обыкновенно, совершает быстрый переезд до следующей остановки, где выбирает новое место, тогда как остальные члены семьи двигаются медленно с обозом» [Каллиников 1812: 168].

Выбор способа кочевания также характеризовался гибкостью. Под способом кочевания имеется в виду практика разделения стойбища на две части в зимний период: *энэтраляткан*, уходящей со стадом, и *рамагляткан*, остающейся на одном месте [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 367. Л. 15]. В стойбище Тымнэнэнтына при таком разделении передняя, главная, яранга прекращала

кочевку, а вторая яранга, яранга Тымнэнькота, отправлялась сопровождать стадо.

Осенью и зимой 1950–1951 гг. Тымнэнэнтын несколько раз менял решение по этому вопросу.

«За чаем Тымнэнэнтын принял окончательное решение, — писала В.Г. Кузнецова 5 января 1951 г., — со своей ярангой остаться здесь неподвижно, без стада, а яранга Тымнэнькота со стадом будет кочевать в места с хорошим кормом — ватапом (ягель — перев. с чук.). Еще вчера определенности не было, то говорил сделать магны (склад — перев. с чук.) и оставить лишний груз, а обеим ярангам со стадом кочевать, то — оставить не только магны, а [также] нарты с не требующимся в данное время содержимым⁵. И лишь сегодня принял иное решение. Старикуну тяжело оставаться без стада, без поездок в гости, или на упряжке просто в тундру. В прошлый раз он прямо сказал: “Тоска без стада, без оленьей упряжки”» [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 367. Л. 1 об. — 2].

Однако через несколько недель вновь встал вопрос о дальнейшем кочевании.

«Тымнэнэнтын с женой ушли к Чейвуне на чай, и там было принято решение, безусловно исходящее от Тымнэнэнтына. Решили оставить большую часть нарт с грузом здесь — сделать магны и налегке кочевать. Обеим ярангам со всем стадом. Еще вчера Эттыкутгевыт говорила, что скоро мы останемся одни без стада, а Тымнэнькот со стадом укучает. <...> Сегодня же решили по-иному. Пришедшая от Чейвуны хозяйка сказала Омрувакатгавыт: “Скоро будем кочевать”» [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 367. Л. 93 об. — 94].

⁵ В зимний период, чтобы облегчить процесс кочевания, оленеводы могли оставить часть своих вещей или разделяли стойбище, или оставляли часть своих вещей (магны) в тундре.

Момент начала очередного перехода тоже был довольно ситуативен. После внезапной отмены кочевки в стойбище Тымнэнэнтына В.Г. Кузнецова написала в своем дневнике: *«Подобную неопределенность, непостоянство, перемену решений, возврат к ним я наблюдала весной 1950 года и в стойбище Тымненькау, стоящем у озера Иургеней»* [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 368. Л. 6]. Оказавшись через несколько месяцев в ярангах Чаунских колхозников, исследовательница вновь обратила внимание на данную особенность оленеводов: *«Здесь я увидела такие же непостоянность и неуверенность в решениях относительно кочевки, как и в единоличных стойбищах Номгыргына и Тымнэнэнтына»* [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 388. Л. 10].

Непостоянство в вопросе перемещений на собственном опыте пришлось испытать и путешественникам, решавшимся на кочевание вместе с чукчами. Например, интересен опыт колымского исправника Г.Л. Майделя, который для исполнения задания Иркутского губернатора о выяснении отношений чукчей с русской администрацией путешествовал по внутренним областям Чукотки в 1869–1870 гг. В этом предприятии он опирался на своего проводника — богатого оленевода Амвраоргина и, в общем, зависел от него. Однако последний постоянно менял планы, руководствуясь различными соображениями, такими как состояние пастбищ, стада, домашние дела [Майдель 1894: 140, 164, 171–172, 261]. Г.Л. Майдель признавался, что ему ничего не оставалось, как смириться и соглашаться во всем со своим товарищем. *«Я не знал ни страны, куда мы ехали, ни обращения с животными, на которых мы собирались путешествовать, следовательно, я не мог иметь никакого самостоятельного суждения»*, — признавал свою беспомощность автор [Майдель 1894: 140]. *«Раз решившись ехать с чукчами, мы должны были путешествовать так, как кочевники, и отучиться дорожить временем»*, — смиренно заключил он [Майдель 1894: 164].

Аналогичным образом капитан Северо-Восточной географической экспедиции 1785–1795 гг. И.И.Биллингс, предприняв сухопутный переход по тундре для описания Шелагского мыса, раздражался из-за неповоротливости и упрямства своих проводников в вопросах передвижения [Сарычев 1952: 188, 256]. Чукчи *«вывели бы из терпе-*

ния самого Иова», — сетовал он в своем дневнике по этому поводу [Сарычев 1952: 256].

Запланированная кочевка могла быть отменена из-за погодных условий, приехавших или ожидаемых гостей, работы, требующей срочного завершения (например, сбор хвороста, проверка капканов), болезни людей, из-за дурных предзнаменований, наконец, просто в связи с нежеланием хозяина кочевать в данный момент [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 365, Л. 17 об.; Д. 383. Л. 12 об.; Д. 403. Л. 19]. Иногда же, наоборот, хозяин мог неожиданно для остальных жителей объявить о кочевке на следующий день [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 368. Л. 6].

Подчеркну, что, хотя хозяин стойбища мог слушать советы других людей, последнее слово всегда оставалось за ним. Тымнэнэнтын обсуждал дела с братом Тымнэлькотом, но окончательное решение исходило от него самого [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 384. Л. 6 об.]. В.Г. Кузнецова отмечала, что *«всегда отдает распоряжение он (Тымнэнэнтын. — Е.Д.)»* [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 383. Л. 15]. Другие жители стойбища могли высказывать лишь свои мнения или констатировать уже принятое решение. Показателен диалог между Омрувакаттавыт и ее братом Омрыятгыргыном. Последний рассуждал о том, куда должно направиться стадо в ближайшем будущем. Девушка оборвала его и возразила: *«Откуда ты знаешь, куда мы будем кочевать? Ты не начальник»* [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 365. Л. 34 об. — 35].

Схожие наблюдения были сделаны В.Г. Богоразом. Исследователь описал главу одной оленеводческой семьи по имени Кауно. Этот человек был очень стар и довольно слаб. Однако, будучи владельцем двух стад, он продолжал решать очень *«важные вопросы о выборе летнего пастбища, о направлении сезонной кочевки и т.п.»* [Богораз 1934: 97].

Итак, маршрут, время и способ кочевания определял хозяин стойбища. В своем выборе он руководствовался несколькими вещами.

Во-первых, пригодностью пастбищ для оленей и наличием необходимых ресурсов для человека: воды, рыбных рек, растительности (особенно это касалось летних стоянок, когда происходила

заготовка растений, а иногда и рыбы, впрок), веток для костра. Еще казак Борис Кузнецкий, два года находившийся в плену у состоятельного оленевода Мего, доносил в 1756 г., что чукчи «*всегда останавливаются на таких по знаемости их местах, где можно тех оленей прокормить мохом*» [Колониальная политика... 1935: 181]. Чукчи объясняли уже упоминавшемуся Г.Л. Майделю, что мох различен в разных местах и показывали ему четыре или пять его видов: «*Некоторые они считали за очень хорошие, одни особенно полезные осенью и зимой, а другие в то время, когда коровы телятся*» [Майдель 1894: 154]. Кроме того, в период отела необходимо было оберегать телят от сильных ветров. С этой целью искали долины и лощины [Там же]. Летом искали места, поросшие ивняком и обдуваемые ветрами [Там же: 156–157]. К. Мерк, участник Северо-Восточной географической экспедиции под руководством И.И. Биллингса, заметил, что чукчи стараются объезжать местность на своих легких нартах и искать пригодные для выпаса места (например, с не замерзшим снегом) [Мерк 1978: 114].

В этой связи значительную часть времени хозяевам стад нужно было посвящать осмотру окрестностей [Каллиников 1912: 98]. В этом им помогали опытные пастухи. Помощниками Тымнэнэнтна были брат Тымнэлькот и племянник Ятгыргын. На страницах дневников В.Г. Кузнецовой хозяин предстает постоянно разъезжающим по тундре оленеводом. «*Тымнэнэнтн ушел в стадо, собирается ехать на оленях. Вот непоседа старик. Ночью едва не умирал, а утром едет на оленях, в мороз и холодный ветер*» [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 364. Л. 92].

Н.Ф. Каллиников, занимавшийся в 1908–1910 гг. по поручению губернатора Приморской области обследованием экономического положения Чукотки, также отметил, что именно хозяин стойбища облюбовывает пастбища для оленей [Каллиников 1912: 98].

Во-вторых, маршрут кочевки и ее темп согласовывались с соседними стойбищами: с ними необходимо было соблюдать правильную дистанцию. С одной стороны, стремились держаться неподалеку от соседей, с другой — старались не допустить чрезмерной близости, приводившей к быстрой истощаемости кормовой базы для оленей, а также к смещению стад. О необходимости держать

стада на расстоянии говорил, в частности, богатый оленевод Г.Л. Майделю [Майдель 1894: 98]. Поэтому глава стойбища не только регулярно осматривал природный ландшафт окрестностей, но и следил за перемещениями соседних хозяйств, старался узнавать последнюю информацию о том, как проходит их кочевка. Если предстояла кочевка, то извещали соседей. Так, житель стойбища Номгыргына, Вуквуэгыргын, в день кочевки пришел с утра к Тымнэнэнтыну, чтобы сообщить ему об этом [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 364. Л. 40].

В-третьих, необходимо было не пропустить разного рода предзнаменования, чтобы не допустить несчастий со стадом и людьми, как это произошло осенью 1950 г. у Номгыргына. Хозяин следил за разного рода «знаками». Например, повседневным занятием для Тымнэнэнтына было гадание на картах о стаде и кочевках [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 336. Л. 70; Д. 367. Л. 79]. Увиденный сон (как хозяином, так и одним из его домочадцев) мог повлиять на решение относительно кочевания [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 360. Л. 5 об.].

Итак, сильные главы стойбищ, такие как Тымнэнэнтын и Номгыргын, являлись знатоками в вопросах оленеводства. Во время гостевых визитов друг у друга они заводили разговор о стаде, ягеле, ездовых оленях [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 366. Л. 42 об.]. Они руководили не только ходом кочевания, но и всем процессом содержания стада. Тымнэнэнтын отдавал распоряжения пастухам, особенно старшему из них — Ятгыргыну [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 364. Л. 29 об.]. Он часто читал им нравоучения за недостаточное усердие и лень. *«Кроме ночного пастушества в стаде, ничего не знаешь. Плохой ездок на оленях, не упражняешься, не обучаешь ездовых оленей. Оставить вас одних, так и ярангу с нартами, при кочевке, наполовину оставите на ралканын (прежнее место яранги — перев. с чук.)»*, — говорил он своему племяннику [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 366. Л. 36 об.].

Тымнэнэнтын руководил забоем оленей: указывал, каких животных забивать и в каком количестве. Даже при плохом самочувствии он участвовал в этих вопросах. Например, в декабре 1950 г., перед очередным забоем оленей, Тымнэнэнтын заболел. Тымнэлькот пришел к больному брату и просунул голову в полог. Он «раз-

говаривал с Тымнэнэнтыном о забое оленей, каких именно и сколько нужно забить» [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 366. Л. 18].

Тымнэнэнтын всегда интересовался состоянием стада и его местоположением. В.Г. Кузнецова писала в своем дневнике: «Тымнэнэнтын, как и всегда, спросил [пастухов], где стадо, есть ли ветер в месте нахождения стада» [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 373. Л. 3 об.]. В случае чрезвычайной ситуации глава хозяйства определял план действий, а в случае пропажи оленей он не только руководил поиском, но и сам принимал в нем участие [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 367. Л. 93; Д. 365. Л. 17]. Г.Л. Майдель также обратил внимание, что во время разразившейся бури старик Амвраоргин, богатый оленевод, хозяин нескольких стад, как и все мужчины стойбища, находился при оленях [Майдель 1894: 154].

Если хозяин был успешен в своем руководстве, то это увеличивало его авторитет в глазах, как жителей его стойбища, так и в глазах соседей. Ведь многое зависело от его умений и способностей. Достижение процветания стада было не простой задачей, так как «оленеводство — капризная и ненадежная вещь» [Каллиников 1912: 46]. Порой случалось так, «что в одно лето или зиму зажиточный, обеспеченный оленевод терял все, или почти все свое имущество» [Каллиников 1912: 46]. Совершая действия, направленные на процветание стада, человек осуществлял, как «стратегии экономических инвестиций», так и «стратегии символического инвестирования» [Бурдые 2005 в: 103–104]. Его престиж увеличивался, с одной стороны, за счет роста «экономического капитала», с другой — признания окружающими его личных харизматических качеств [Бурдые 2001: 37; Вебер 1990: 644–706].

Например, многооленного «богача» Алёля, владельца четырех стад, очень уважали в Амгуэмской тундре [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 367. Л. 86]. Весной 1951 г. он был арестован как кулак. Весть огорчила местных жителей. Тынагыргын сказал по этому поводу: «Алёль был хороший и добрый для всех кочевников, особенно бедняков. Без всякой платы забивал оленей на пищу на все ближайшие бедняцкие стойбища» [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 403. Л. 6 — 6 об.].

Уважение, как в семье, так и среди оленеводов соседних стойбищ, необходимо было заслужить. Успех в хозяйственной деятель-

ности был важным критерием. После смерти Тымнэнэнтына главной стойбища стал его младший брат Тымнэлькот [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 391. Л. 6 об., 9 об.]. Однако он еще не обладал тем авторитетом, которым пользовался его старший брат. Возможно, по этой причине уважаемый в Амгуэмской тундре Номгыргын, «достопочтенный стадовладелец», в летний период объединявший свое стадо со стадом Тымнэнэнтына, после смерти старика отделился и лето 1951 года выпасал оленей совместно с другим стойбищем [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 366. Л. 15 об.; Д. 392–398].

Показательны также некоторые реплики членов семьи. В июле 1951 г. потерялась часть стада стойбища Тымнэлькота (к этому моменту Тымнэнэнтын уже умер). Тогда *«старуха Кыптенеут и жена хозяина, Чейвуна, язвительно сказали Тымнэлькоту и Эйнечину (житель стойбища Тымнэлькота со своей ярангой. — Е.Д.): “Только занимаетесь полозьями и забыли о стаде”. “Ну-ну, не ворчите”, — извиняющимся голосом ответил Эйнечин»* [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 397. Л. 11 об.]. Здесь важно отметить, что потери оленей происходили и при Тымнэнэнтыне, но никто из членов семьи никогда его не попрекал [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 367. Л. 93].

Если владелец стада оказывался нерадивым хозяином, то его репутация существенно портилась: его начинали укорять, от него могли отсоединиться другие яранги, уйти жена, отвернуться союзники. Таким оленеводом был Гырголь, в семье которого В.Г. Кузнецова жила последние месяцы своей полевой работы — летом 1951 г. После смерти тестя Гырголь остался владельцем большого стада. Но он был *«нерадив и беспечен»* [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 396. Л. 29]. В результате Гырголь растерял большую часть оленей. Тогда его жена решила оставить такого хозяина и уехала с братом к матери [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 396. Л. 32].

В.Г. Богораз рассказывает об одном оленеведе по имени Айнар-гын. Он, будучи бездетным, усыновил маленького мальчика — сына соседа по стойбищу Айо. После смерти последнего его жена решила уйти в другое стойбище, и при этом она забрала своего сына, вернув двух упряжных оленей, которые были подарены ее мужу Айнар-гын за усыновленного ребенка. Причина этого разрыва заключалась в том, что Айнар-гын к этому времени растерял

значительную часть своего стада и его олени продолжали убывать. Женщина решила, что бесперспективно, как для нее, так и для ее сына, оставаться с хозяином, от которого отвернулась «оленная удача» [Богораз 1934: 104].

Таким образом, статус главы хозяйства не был достаточным условием для того, чтобы человек обладал значительной властью. Более того, даже экономическое превосходство в коллективе таковым не являлось. Конечно, оно было важным и необходимым условием наращивания властного ресурса. Н.Ф. Каллиников писал, например, об этом следующим образом: *«Обыкновенно один на стойбище имеет всех, или большинство свободных, необученных для езды, предназначенных в пищу, оленей. Являясь, таким образом, хозяином некоторого имущества, от которого зависят его товарищи по стойбищу, владелец неминуемо приобретает главенствующую роль во всех течениях обыденной жизни»* [Каллиников 1912: 82]. Но в силу того что растерять оленей можно было в одночасье, куда более важным показателем влияния человека становилась его способность сохранять стадо на протяжении длительного времени.

Если хозяин был успешен в оленеводстве, то его власть распространялась и на другие сферы жизни людей, например обменные практики. В.Г. Кузнецова описала приезд в Амгуэмскую тундру из Ванкарема бригады Чукотского райкома партии в январе 1949 г. Вместе с ними был также продавец Пылё. Он вел торговлю с тундровыми чукчами. Закупались необходимым многие оленеводы: Тымнэнэнтын, Тымнэлькот, Каглё, Номгыргын, Кааквургын, Рэнытыгыргын, Тнарэнытыгыргын. Однако Тымнэнэнтину предоставили возможность первому отобрать себе все необходимое, что он и сделал [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 336. Л. 55]. В.Г. Кузнецова никак не поясняет данную привилегию старика. Вероятно, еще одной причиной был его статус председателя колхоза. В таком случае здесь мы видим, как символический капитал преобразуется в экономический. П. Бурдые отмечал взаимосвязанность разных видов капитала: *«Материальный капитал конвертируется в капитал символический, а тот в свою очередь подлежит конвертации в капитал материальный»* [Бурдые 2001: 233].

Схожие наблюдения были сделаны и другими авторами. Например, Н.В. Слюнин, оказавшись в чукотском селении в конце XIX в., торговал с чукчами. Именно хозяин-старик первым выменял себе необходимые товары, такие как чай и сахар, у доктора-путешественника. Только когда он закончил, к Н.В. Слюнину стали подходить остальные местные жители [Слюнин 1896: 12].

Я уже упоминала описанного В.Г. Богоразом старика Кауно в связи с вопросом о кочевании. Он был не очень здоров и, кроме того, по словам членов его семьи, *«совсем впал в детство»*. Однако Кауно *«каждую весну ездил к реке Росомайшей и там проводил меновой торг с приморскими торговцами, которые в это время наезжали туда, привозя приморские продукты и американские товары»*. Старик делал покупки совершенно не рационально, не учитывая практических потребностей семьи. Например, *«вместо сахара он привез патоку в бутылках, потому что она красная, а ему нравился этот цвет; вместо охотничьих ножей он покупал столовые, потому что они блестящие и т.д.»*. При этом члены семьи соглашались с таким положением дел и не думали лишать старика власти распоряжения имуществом. Ведь это было его имущество. Они говорили: *«Что же делать? Ведь это старик»*. *«Я уверен, что до своей смерти Кауно оставался главой семьи»*, — заключил В.Г. Богораз [Богораз 1934: 97].

Порой хозяин мог также вмешиваться в традиционные женские занятия: приготовление пищи, обработку шкур, кройку и шитье, уборку⁶. Его участие выражалось в просьбах, обращенных к женщинам его яранги, выполнить или, наоборот, отложить исполнение, той или иной работы [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 374. Л. 1 — 1 об., 7 — 7 об.; Д. 376. Л. 2]. Например, во время своей болезни Тымнэнэтын отменил рубку костей и уборку. *«Даже удары тивийгина (снеговывивалка — перев. с чук.) при выбивании одежды были им запрещены, и выбивавшие вышли из чоттагена (пространство внутри яранги между входом и пологом — перев. с чук.) на улицу»* [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 374. Л. 3 об.]. Он мог наказывать женщин в его яранге,

⁶ О традиционных женских работах см: [Майдель 1894: 154; Каллиников 1912: 98; Норденшельд 1936: 356; Сарычев 1952: 244; Богораз 1991: 149–163].

не выполнявших свои обязанности должным образом [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 364. Л. 49].

Однако по большей части за выполнением домашних женских и подростковых обязанностей следила хозяйка. Несколько слов необходимо сказать о ее роли в хозяйственных делах семейной группы. Если в яранге была одна женщина, то у нее в принципе не было выбора: она должна была выполнять все работы по дому (в таком случае муж, как правило, помогал жене). Положение такой женщины было незавидным — приходилось много работать [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 357. Л. 7]. Но часто в яранге помимо хозяйки (как правило, жены хозяина) были также одна или несколько работниц. В.Г. Кузнецова даже записала отдельное слово, обозначающее таких женщин — *гыпильн*⁷ [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 357. Л. 7]. Работницами являлись дочери, племянницы, младшие жены хозяина, а также еще более дальние его родственницы и даже вообще не связанные с ним родством девушки / женщины.

С одной стороны, традиционные женские занятия у чукчей выполнялись в равной мере всеми женщинами яранги. И хозяйка, и другие женщины / девушки / девочки участвовали во всех видах деятельности. В то же время различные виды труда не были однородны с точки зрения их привлекательности / непривлекательности в глазах чукчей. Власть хозяйки заключалась в том, что она определяла трудовую занятость других женщин. Ее авторитет был высок в этих вопросах, и распоряжения исполнялись неукоснительно.

Приведу несколько примеров. Когда Омрувакатгавыт занималась во внешней части яранги приготовлением *прэрэма* (колобки из оленьего мяса и жира — перев. с чук.) для стариков в их предшествующую поездку, хозяйка, находившаяся в пологе, «высунула голову и следила за ее работой, давала указания, ругала ее» [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 365. Л. 70 об.]. Омрувакатгавыт раньше всех выходила и позже всех заходила в полог. Ранним утром, даже ночью, она грела и подавала чай для хозяев по их требованию [АМАЭ. Ф. К-1.

⁷ В чукотско-русском словаре этому слову дается четыре перевода: 1) работник; 2) слуга; 3) домохозяйка; 4) домработница [Молл Инэнликэй 2005: 36].

Оп. 2. Д. 359. Л. 11 об. Д. 370. Л. 8]. Именно она, а не хозяйка, чаще обрабатывала шкуры [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 348. Л. 10 об.; Д. 349. Л. 2 об.; Д. 351. Л. 5; Д. 375. Л. 8 об.].

Аналогичную картину увидел и описал Н. Галкин. Будучи уполномоченным Дальневосточного отделения Госторга и Внешторга на Чукотском полуострове в 1924–1925 гг., он объезжал на собаках чукотские селения. *«Я наблюдал девушку, лет 17, — пишет автор, оказавшись в яранге оленевода, — племянницу хозяина, которая выполняла все несложные, но хлопотливые домашние работы»*. Хозяйка же находилась в пологе, откуда то и дело *«раздавалось какое-нибудь приказание, и девушка, ответив обычным ыы (да — перев. с чук.), принималась за выполнение его»* [Галкин 1929: 180].

Следует подчеркнуть, что разделение обязанностей (гендерное, возрастное или статусное) не было жестким и непроницаемым. В чукотском обществе, не имевшем четкой простроенной структуры, люди действовали по ситуации. Если не хватало пастухов, то молодые женщины ходили выпасать оленей, как это делали, например, Томгына, Омрувакатгавыт, Тынены [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 339. Л. 10; Д. 377. Л. 2; Д. 395. Л. 17, 21]. После разгона волками стада Номгыргына почти все женщины ушли в тундру на поиски оленей [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 367. Л. 15. об.]. Однажды во время отбоя упряжных оленей мужчинами Тымнэнэтын даже закричал на жену: *«А эта что сидит, не помогает нам»* [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 384. Л. 7 об.].

Если женщины не успевали шить покрытия для яранги, мужчины им помогали, как, например, это делал Тымнатыргын [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 362. Л. 1]. Если женщина была занята, то мужчине самому приходилось разогревать или даже готовить еду, как порой происходило с Ятгыргыном или Гырголем [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 341. Л. 25; Д. 367. Л. 27; Д. 396. Л. 22 об.].

Социальная организация чукчей была достаточно аморфна. Унилинейные десцентные группы (роды, кланы, линиджи) у чукчей отсутствовали. Возрастное и гендерное деление общества являлось одним из факторов, влиявших на интеракцию людей и их деятельность. Но даже оно подстраивалось при необходимости под особенности конкретной жизненной ситуации (например,

нехватка мужчин или девушек в стойбище). Другими словами, разделение людей на группы — гендерные, возрастные, родственные — безусловно, присутствовало, но не являлось жестким, неизменным, принципиальным для людей при решении повседневных задач.

Основной единицей социальной организации чукчей была семейная группа, состоящая из одной или нескольких малых семей. Она представляла собой локальный хозяйственный коллектив, живущий и кочующий вместе, т.е. стойбище. В него входили люди, объединенные родством, свойством или соседской близостью. При этом его состав отличался текучестью и высокой степенью нестабильности. Наиболее крепкие социальные связи, отличавшиеся относительной устойчивостью, существовали с достаточно небольшим числом лиц, к которым относились ближайшие родственники индивида: родители, дети, сиблинги. Но даже семейные узы были «не слишком крепки», и, в принципе, они могли быть разорваны [Богораз 1934: 91]. Каждый человек, балансируя между своими возможностями и устремлениями, мог выбрать тот или иной коллектив и присоединиться к нему. На протяжении жизни люди не раз могли переходить из одного стойбища в другое.

Мобильность, ситуативность, аморфность социальных отношений у чукчей, наряду с мобильностью и ситуативностью их хозяйственной деятельности, формировали специфику власти в чукотских семейно-родственных коллективах. Властные отношения были пластичны. Будучи безусловно связанными с такими параметрами, как социальный возраст, гендер, родство, они не определялись ими. Авторитет человека приобретался его действиями и решениями.

В результате при отсутствии простроенной социальной иерархии, основанной на институтах, благополучие коллектива зависело от действий наиболее харизматичного его члена, который и становился главой хозяйства. Чем больше и дольше процветало хозяйственное семейно-родственное объединение, тем больше власти концентрировалось в руках его лидера. Именно этим, полагаю, и следует объяснять столь рельефно выраженную влияние Тымнэнэтына как главы стойбища.

Пространственный символизм власти

Хозяин (и в определенных ситуациях хозяйка) распоряжался не только относительно работы, но и отдыха людей. Например, он или его жена могли отпустить в гости или разрешить пришедшим из стада пастухам остаться на ночь дома и передохнуть, чтобы они могли набраться сил [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 379. Л. 4; Д. 380. Л. 4]. Почетному гостю хозяева буквально не разрешали участвовать в домашних делах яранги. С почестями была принята В.Г. Кузнецова в стойбище Гемына, когда она там впервые оказалась [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 371. Л. 1–3]. Исследовательница, привыкшая к обвинениям в лености со стороны Тымнэнэнтына и его жены, постаралась как-то помочь Неутыне, жене Гемына. Но в ответ последняя сказала: *«Не нужно этого делать, не помогай. Иди пройдишь, сходи в соседнюю ярангу»* [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 371. Л. 5 об.].

Отдых людей имел пространственное выражение: он нередко был связан с их нахождением в пологе, в котором люди спали, отдыхали, принимали пищу. Так как олениводы испытывали дефицит жира, то, в отличие от береговых чукчей, они в целях экономии старались убирать полог и днем в нем не засиживаться, а проводить время в наружном шатре [Каллиников 1912: 96]. При этом нахождение во внутреннем спальном помещении контролировалось хозяевами. Они могли обращаться как к домочадцам, так и гостям с просьбой выйти из полога, а также разрешить или запретить войти в него [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 364. Л. 25 — 25 об., 90 об.; Д. 376. Л. 1, 3].

Гости без приглашения хозяина или хозяйки в полог не заходили. Данное приглашение или его отсутствие коррелировало со статусом человека. Например, своего брата, хозяина соседнего стойбища, Номгыргына, Тымнэнэнтын не хотел отпускать из полога, уговаривая его остаться на чаепитие [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 364. Л. 90]. А хромого безоленного Тынагыгына он нехотя ненадолго впустил погреться во внутренний шатер [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 364. Л. 90 об.]. Когда уважаемый Номгыргын в один из гостевых визитов решил остаться ночевать у Тымнэлькота и покинул спальное помещение Тымнэнэнтына, последний расстроился [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 366. Л. 15 об.].

Таким образом, можно видеть, что власть и престиж имели у чукчей пространственное выражение. Другими словами, социальное пространство и физическое пространство оказывались связаны друг с другом: первое «стремится преобразоваться более или менее строгим образом» во второе [Бурдые 2005 г: 50]

Пространственный символизм власти выражался также в наличии в яранге нескольких спальных помещений. Дело в том, что в некоторых ярангах было несколько полов. У Тымнэнэнтына их было два: большой (примерно из двенадцати шкур) и маленький (из семи) [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 344. Л. 101]. Такую роскошь чукчи могли себе позволить в летний период. Во-первых, в это время стойбище стояло на одном месте, что делало возможным увеличение яранги и размещение в ней второго полога; а во-вторых, в силу теплых погодных условий помещение быстро прогревалось, поэтому летом полог должен был набиваться не так плотно людьми, как зимой. Но такое разделение спального места имело не только практическое, но и символическое значение.

В первом (более просторном) пологе летом 1950 г. спали и отдыхали Тымнэнэнтын и его жена Эттыкутгэвыт; во втором обитали все остальные: пастухи Ятгыргын и Омрыятгыргын и работница Омрувакатгавыт, а также В.Г. Кузнецова [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 346. Л. 6 об.; Д. 358. Л. 11 об.]. Гости размещались в том или ином пологе в соответствии с их статусом. Тымнэлькот и его жены приглашались в большой полог у Тымнэнэнтына, а пастухи и девочка-работница из яранги Тымнэлькота укладывались вместе с молодежью яранги Тымнэнэнтына [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 352. Л. 3 об.; Д. 359. Л. 9; Д. 364. Л. 4]. Например, Пэнас — третья, самая младшая жена Номгыргына, ночевала с ребятами в маленьком пологе [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 362. Л. 10].

При этом люди не были «прикреплены» к какому-то спальному помещению. Их нахождение в одном из двух полов отражало реальную социальную иерархию на тот или иной момент. Так как она менялась, то и пространственное положение человека тоже не было неизменным. Например, Омрыятгыргын, пасынок Тымнэнэнтына, сын умершей жены хозяина — Гувакай, при жизни матери находился не в маленьком, а в большом пологе, вместе

с матерью и хозяином. Положение детей Гувакай после ее смерти стало более бесправным. Данные перемены нашли символическое выражение в пространственном расположении людей в яранге. «Социальное деление», в данном случае властная асимметрия, «оказывается объективированным в физическом пространстве», т.е. в размещении людей в яранге [Бурдые 2005 г: 51]. Важно также то, что одни люди, будучи наделенными некоторой силой, влияли на пространственное расположение других.

Властные отношения в телесном опыте людей

Анализируя распределение обязанностей и власти между людьми, порой можно уловить телесность социального неравенства, о которой писали М. Фуко, П. Бурдые, К. Вульф [Фуко 1999; Бурдые 2005 б: 64–86; Вульф 2009; Вульф 2011 а: 7–40; Вульф 2011 б: 80–104; Вульф 2012]. «Социальные дистанции вписаны в тело, точнее в отношение к телу», — отмечал П. Бурдые [Бурдые 2005 б: 71]. У чукчей отношение к разным «телам» было не одинаково. Если М. Фуко продемонстрировал различия в обращении с телами людей диахронически (показал их для разных эпох и связал с изменениями, происходившими в западной пенитенциарной системе) [Фуко 1999], то в данном исследовании эти различия будут рассмотрены синхронно, в рамках одной культуры.

Фактически социальная иерархия формировала иерархию «тел» у чукчей. Соответственно, обращение с ними также подчинялось принципу их неравноценности. В частности, это проявлялось в уходе за одеждой, от состояния которой зависел телесный комфорт людей. Заботой каждого человека была просушка личной одежды. Нередко чукчи сушили ее ночью на своем теле, выворачивая наизнанку. Это был неприятный, но действенный способ. Каждый должен был сам позаботиться о себе, и только одежду хозяина сушили на себе другие жители яранги, а именно это делала девушка-работница. В.Г. Кузнецова заметила, что Омрувакаттавыт одевала на ночь «верхний *ирьын* (верхняя мужская одежда — перев. с чук.) и *конагтэ* (штаны — перев. с чук.) Тымнэнэтына, ворсом к телу, для просушки» [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 373. Л. 5]. Кроме

того, девушка согревала ноги хозяина, которые она должна была класть себе на живот под меховую рубашу [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 361. Л. 10].

Практика очистки одежды снеговывивалкой перед заходом в полог также связана с отношением к телу, и ее анализ также может много сказать о властных отношениях. Дело в том, что предложение выбить одежду другого человека символизировало почтительное к нему отношение, поэтому интересно посмотреть, кто кому и в каких ситуациях помогал счищать снег. Иногда хозяева сами убирали снег с одежды друг друга [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 375. Л. 2; Д. 376. Л. 12]. Но порой они могли обратиться к другим членам семьи за помощью. Пастухи, девушка-работница и В.Г. Кузнецова всегда исполняли просьбу хозяев счистить с них иней [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 376. Л. 1]. Более того, Тымнэнэтын мог приказать кому-то из членов его семьи выбить или, наоборот, запретить выбивать одежду другому домочадцу [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 374. Л. 3 об.; Д. 376. Л. 12 об.]. По отношению же друг к другу ребята могли проявить нежелание выполнять просьбу. Однажды Омрыятгыргын пришел домой из стада и попросил сестру сбить ему одежду, чтобы он мог зайти в полог. Однако *«девушка продолжала дремать [в пологе], сказав лишь парню, где находится приготовленная для него еда»* [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 376. Л. 4 об.].

В.Г. Кузнецова также становилась «жертвой» подобного к себе отношения. Надо сказать, что эту «иерархию» она прожила на собственном телесном опыте. Отношение чукчей к «телу» исследовательницы подчеркивало ее низкий статус. Однажды, заходя в шатер, она попросила Омрыятгыргына, стоявшего рядом, выбить снег из ее меховой рубашки. «Чамам (не могу — перев. с чук.)», — ответил мальчик, не взяв *тивийгына*, который исследовательница подавала ему [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 376. Л. 12].

На ночь В.Г. Кузнецовой давали лишь одну и к тому же старую шкуру, на которой она спала. Одеядло ей не предоставляли. Не было у нее также мехового комбинезона, которым можно было бы накрыться, поэтому ночью исследовательница часто мерзла [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 336. Л. 13]. Когда же Тымнэлькот остался ночевать в яранге Тымнэнэтына и лег на место исследовательницы, ему

подали две шкуры лучшего качества: на одну он лег, а второй укрылся [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 367. Л. 17 — 17 об.].

Однако иногда происходили изменения социального положения В.Г. Кузнецовой. Например, она была удивлена, когда в гостях у Гемына сам хозяин предложил сбить иней с ее одежды. В.Г. Кузнецова собиралась пойти в соседнюю ярангу, чтобы найти человека, который бы выбил ее одежду, так как не предполагала, что это может сделать глава стойбища, единственный находившийся рядом в тот момент. Однако он остановил гостью и сам сбил иней с ее одежды [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 371. Л. 2 об.]. Как уже отмечалось, в стойбище этих колхозников В.Г. Кузнецову принимали с большим почетом, оказывая ей всевозможные знаки гостеприимства.

Здесь важно отметить, что В.Г. Кузнецова не ожидала таких действий Гемына по отношению к ней и ее одежде, так как у Тымнэнэнтына хозяин не выбивал снег и иней с других людей, лишь иногда своей жене [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 376. Л. 12]. С тем же правилом, надо полагать, она сталкивалась в других стойбищах, так как описанный случай произошел на третий год ее пребывания в тундре: к тому времени исследовательница уже посетила множество хозяйств и была хорошо знакома с нюансами поведения в чукотских ярангах.

Некоторые сведения путешественников XIX в. также говорят о различном отношении к «телам» людей. Г.Л. Майдель описал богатого оленевода Ятыргына. Он был очень влиятельным и известным человеком в районе Чаунской губы в середине XIX в. Этот уже немощный старик заставлял провинившихся встать перед ним на колени и ударял их [Майдель 1894: 94–95].

Миссионер А. Аргентов, проповедуя христианство, посещал чукотские стойбища. Однажды он остановился у хозяина по имени Аканькев. *«Это был в полном смысле слова исполин»,* — писал миссионер, — *«его считали за существо особенное», так как у него была «необыкновенной величины голова и соответственные ей чрезвычайного объема жилистые кулаки, что придавало ему большую важность в кругу своих»* [Аргентов 1857 б: 44]. Аканькев, *«пользуясь этим преимуществом, частенько прогуливался верхом на спинах (сугошером) своих приятелей, и хотя за такой деспо-*

тизм бранили его в глаза и по заочью, но никто не смел ослушаться, когда он приказывал нести себя иногда верст 20 и более» [Аргентов 1857 б: 45]. «Впрочем, Аканькев [был] добрый человек», — завершил свой рассказ А. Аргентов [Аргентов 1857 б: 45].

Интересно описание А.Е. Норденшельда его первой встречи с Василием Менка — богатым оленеводом, который сам называл себя представителем русской власти. Однажды утром экипаж судна, стоявшего у скованного льдами побережья Чукотки, увидел, как множество чукчей тащит нарты с человеком. Вначале все подумали, что на корабль везут больного. Но *«когда шествие приблизилось к борту судна, предполагаемый больной очень бойко взобрался по обледенелому штормтрапу, взошел на палубу с важностью, свидетельствовавшей о его высоком положении, поздоровался с чувством собственного достоинства и на ломаном русском языке объяснил, что он в этих местах — лицо влиятельное»* [Норденшельд 1936: 159]. *«Василий Менка приехал на судно по еще не вполне надежному льду на нартах, которые тянули не собаки, а его подчиненные»* [Норденшельд 1936: 160]. Конечно, это были не подчиненные. Можно полагать, что это были домоладцы и / или чукчи соседних стойбищ, которые таким образом проявляли свое уважение к Менке.

Описание А.Е. Норденшельда перекликается с описанием другого мореплавателя. Ф.П. Врангель, возглавлявший экспедицию по исследованию северо-восточной части Сибири в 1820–1824 гг., обратил внимание, что богатые чукчи приезжают на санях, а *«простолюдины из беднейшего сословия»* бегут подле саней, погоняя собак [Врангель 1948: 308].

Снова предлагаю обратиться к опыту В.Г. Кузнецовой. Она хорошо знала трудности пешего перехода по сравнению с ездой на упряжке, поскольку Тымнэнэнтын не раз обрекал ее на пешие перемещения, причем порой демонстративно. Однажды, после гостевания у Гемына, она отправилась обратно — в стойбище Тымнэнэнтына. Сам старик и его племянник Ятгыргын тоже были у него в гостях и также собирались ехать домой через какое-то время. В.Г. Кузнецова, выйдя пешком по направлению к дому, рассчитывала, что хозяин или парень, будучи на оленьих упряжках, подхватят ее по дороге, так как путь предстоял длинный. Но этого не произошло. Через

полтора километра ее «нагнали Тымнэнэтын и Ятгыргын, ехавший впереди». Исследовательница «поздоровалась с ним, парень проехал мимо, не остановив упряжки». «Посадит Тымнэнэтын», — подумала В.Г. Кузнецова. Но «старик повернул в сторону упряжку, проезжая мимо», и сказал: «Иди пешком». Исследовательница сетовала: «Упряжки поехали дальше, а я поплелась по рыхлому снегу, без лыж. Еще далеко было от яранг, а уже начало темнеть, в 5-м часу вечера. В 6-м часу стало совсем темно, едва различала след от полозьев нарты. В одном месте кустарника показался зверь. Шла, озираясь по сторонам. Сердце билось учащенно, вся была мокрая от пота». В итоге, уставшая женщина в сердцах написала о Тымнэнэтыне: «Больной живот твой массажировала, ухаживала в каждую болезнь, а ты не захотел довезти меня на нартах. “Иди пешком” в ночь! Старая негодная коряга» [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 380. Л. 1].

Обобщая вышеприведенные данные (об оленеводстве, домашних работах, отдыхе и связанных с ними телесном опыте и пространственной локализации людей), можно констатировать наличие агентивности у глав семейно-родственных коллективов, а также хозяек яранг. Но здесь важнее не столько само наличие способности совершать действие (ведь каждый член семьи обладал ею), сколько то, что агентивность сильных хозяев стойбищ нередко приводила к воздействию на агентивность других людей. Власть, по определению М. Фуко, — это способность одного действия структурировать другое, влиять на него (цит. по: [Волков, Хархордин 2008: 178]). Так, Тымнэнэтын, принимая решения о маршруте кочевания, выбирая места летних и зимних стоянок, раздавая указания пастухам, работницам, разрешая им отдохнуть, приказывая идти пешком и проч., «структурировал» агентивность жителей его стойбища.

Сопротивление доминированию и физическое насилие

Однако люди могли оказывать «скрытое сопротивление»⁸ навязываемой им воле, порой весьма успешное. Одним из приемов как для пастухов стойбища Тымнэнэтына, так и для девушек-работ-

⁸ Здесь применяется термин Дж. Скотта, хотя в другом контексте [Scott 2009].

ниц, была смена поведения в отсутствии хозяев. В.Г. Кузнецова наблюдала, что оставленные одни ребята бездельничают, разговаривают, шутят, флиртуют, но не работают [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 365. Л. 80]. Исследовательница, в частности, описывала метаморфозы в поведении старшего пастуха Ятгыргына:

«Вдали появились гекеньлит (ездокки на оленях — перев. с чук.; т.е. к стойбищу подъезжали хозяева на упряжных оленях — Е.Д.). Ятгыргын поспешно пошел за сбором хвороста. В отсутствие хозяев он совершенно другой, такой, какой он есть на самом деле. При стариках парень — работяга, ежедневный ночной пастух, а днем — работник по дому. Без стариков, без своих обоих дядьев, парень не спешит в стадо и ведет себя как хозяин. В первые дни отъезда Тымнэнэтына в стадо уходил почти в полночь, с вечера находясь в пологе с Тынены, куда уносили ему от нас ужин — вареное мясо, кэмээрын⁹, а также его одежду» [АМАЭ. Ф. К-1, Оп. 2, Д. 367, Л. 28 — 28 об.]

Аналогичную стратегию В.Г. Кузнецова наблюдала и в других стойбищах. Например, женщины из бригады колхозника Оттынтау при появлении бригадира в их яранге сразу схватились за работу и сделали вид, что шьют. В его же отсутствие они болтали и отдыхали [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 388. Л. 8].

Человек мог просто не выполнять ожидаемое от него действие. Возникающее в результате этого раздражение у тех, кто рассчитывал на выполнение поручения / приказа / обязанности, часто не высказывалось открыто. Претензии передавались намеками. Существовали различные способы показать свое неудовольствие, не говоря об этом прямо. Одним из них был юмор. Намекая Ятгыргыну на его привычку спать в стаде во время пастушества, хозяйка сказала ему: *«Вместе пойдём пастушить?»* Юноша засмеялся

⁹ Чукотское блюдо — листья ивы, смешанные с содержимым оленьего желудка [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 336. Л. 9].

в ответ и пообещал, что не заснет» [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 364. Л. 51 — 51 об.].

В.Г. Кузнецова не раз получала такого рода замечания в свой адрес. Опишу конкретный эпизод. Находясь в гостях у чаунских колхозников, она засиделась в пологе. Хозяйка яранги Етгын, собравшись варить ужин, съязвила. «*Ты ведь шьешь*», — сказала она этнографу, пишущему в пологе [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 387. Л. 6 об.]. Исследовательница к концу дня ждала упреков со стороны хозяйки этой яранги: ведь она не только бездельничала, но и сожгла жир в жирнике. Но женщина выразила их в шутливой форме: начала говорить разным людям, что «*Варвара сына родила*» [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 387. Л. 9 — 9 об.].

Исследовательница, оставаясь все-таки аутсайдером, человеком внешним, не все «намеки» могла прочувствовать, распознать. Однажды Тымнэнэтын вышел из полога, а чай еще не был готов. Приготовление чая в основном считалось обязанностью девушки Омрувакатгавыт, а также В.Г. Кузнецовой. Старик стал греметь чайником. Хозяйка услышала и тихонько сказала В.Г. Кузнецовой, чтобы она вышла и сама занялась приготовлением чая. Исследовательница так и сделала [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 364. Л. 49]. Потенциальный конфликт был улажен.

Можно провести параллель с эскимосскими сообществами. Как показала Ж. Бриггс в своей статье, посвященной анализу управления конфликтными ситуациями в семейных коллективах инуитов, люди в традиционных эскимосских селениях старались избегать прямой конфронтации, поэтому активно прибегали к шуткам, намекам и просто молчанию, чтобы не допустить открытого агрессивного взаимодействия [Briggs 2000: 110–124].

Таким образом, можно видеть, что реализация власти в чукотских стойбищах (полагаю, что в большинстве случаев) происходила бесконфликтно, с принятием «правил» поведения всеми участниками взаимодействия. Как отмечал П. Бурдые, власть менее всего заметна, менее всего узнана там, где она признана [Бурдые 2005 а: 88].

Порой объекты действия власти могли оказывать открытое сопротивление. Тогда власть требовала своего обоснования,

утверждения. Например, актер мог уйти в другое стойбище, как это сделала девушка Омрувакатгавыт, считавшая свою жизнь у Тымнэнэнтына слишком тягостной [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 380. Л. 4 об. — 6 об.]. Чтобы вернуть «беглеца», необходимо было проявить влияние на уровне соседствующих стойбищ, т.е. не дать «укрывателям» принять убежавшего человека. Тымнэнэнтыну этого сделать не удалось [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 381. Л. 2 об.; Д. 383, Л. 2]. Но даже в таком случае открытый конфликт сглаживался: возникшая напряженная ситуация фактически разрешалась пространственным разведением задействованных в ней лиц.

Но не стоит преувеличивать мирную направленность разрешения противоречий, во всяком случае в стойбищах оленных чукчей. В.Г. Богораз отмечал их вспыльчивый нрав. Исследователь писал, что «чукча легко раздражается», «достаточно пустяка, чтобы его веселое лицо исказилось самым необузданным гневом» [Богораз 1934: 26]. Один чукча выразил эту особенность характера следующим образом: «Гнев ко мне приходит внезапно. Он приходит и уходит по своей воле» [Богораз 1934: 26]. Придя в состояние озлобленности и раздражения, чукчи, по описанию В.Г. Богораза, рычали, скалили зубы, кусали свои рукава или ручку ножа, плакали, рвали на себе волосы [Богораз 1934: 26].

Безусловно, столкновения интересов могли выходить за рамки мирного урегулирования и заканчиваться ссорой или даже физическим насилием. Вопрос о связи между насилием, конфликтом и властью уже обсуждался в литературе [Фуко 1999; Антропология насилия 2001; Бутовская 2007: 431–447; Тишков 2007: 464–481; Chagnon 1983; The anthropology... 1986]. Физическое насилие интерпретировалось с применением функционального, социологического, социобиологического, психологического, экологического подходов (цит. по [Тишков 2001: 9–12]).

В данной работе связь власти и насилия рассматривается в русле интеракционистского подхода. Один из его представителей, Э. Гидденс, подчеркивал связь власти и физического насилия следующим образом. Власть является обязательным свойством любой интеракции, а конфликт и насилие — нет. Но власть связана с преследованием акторами своих интересов. В том случае, когда проис-

ходит столкновение этих интересов, возникает конфликт и, возможно, насилие [Giddens 1993: 118].

Дневники В.Г. Кузнецовой говорят о стабильном возникновении таких ситуаций столкновения интересов. Стоит отметить, что само нахождение в стойбище этнографа провоцировало их рост. Ведь ее присутствие нарушило привычный для людей ход их жизни: причем как местных жителей, так и самой В.Г. Кузнецовой. Взаимодействуя с исследовательницей, чукчи оказались в нетипичной для них ситуации. Им пришлось бок о бок жить вместе с человеком, слабо приспособленным к их быту и в то же время упорно желавшим оставаться вместе с ними. У нее не было ни навыков, ни способностей, ни физических возможностей выполнять все необходимые обязанности человека ее пола и возраста, поэтому она стала для чукчей обузой в буквальном смысле этого слова. Сама исследовательница признавала свое «поражение» на страницах полевой тетради: *«Навряд ли мои мучения перенесла бы женщина. Я же, уже совсем тупевшая, ковыляю по пути кочевков Тымнэнэнтына. Ошибочно было ехать неопытному человеку, одному, да еще женщине, да к такому народу, как тундренные чукчи-единоличники»* [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 367. Л. 18].

С точки зрения чукчей, прежде всего, Тымнэнэнтына, на плечи которого легла вся нагрузка по содержанию и опеке прибывшего этнографа, она очень мало работала. Старик всячески старался приобщить ее к участию в домашних работах. Иногда он делал замечания в виде шутки: *«Хотя бы Варвара помогла выбить полог... Или уж давай вместе с тобой станем бродячими, будем ходить по стойбищам»* [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 382. Л. 2 об.]. Но чаще прямо ругал ее: *«Вечером, в пологе Тымнэнэнтын очень недружелюбно разговаривал со мной, требуя, чтобы я работала — выбивала айкол (подстилка из шкуры — перев. с чук.), ходила за хворостом»* [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 366. Л. 2 об.]. *«Хотя бы варила ужин, как будто, ты не будешь кушать мяса, только пишет»* [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 383. Л. 9 об.].

Хозяин объяснял ей всю порочность ее поведения: *«Неработающим людям и мы не окажем помощи. А вот Ятгыргын, наш основной пастух, уехал за твоим табаком. Кто пойдет в стадо? Прежде*

перед бродячими людьми вечером закрывали тытыл (дверь — перев. с чук.) яранги, ночуй, где хочешь, если они не хотели работать» [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 366. Л. 2 об.]. В другой раз старик поставил вопрос еще более резко: «Ты бы, Варвара, хоть следила за домом в наше отсутствие. Если и этого не будешь делать, зачем же ты здесь нужна?» [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 365. Л. 82].

Итак, присутствие В.Г. Кузнецовой провоцировало возникновение недовольств и претензий. Но конфликтные эпизоды происходили и между самими амгуэмскими чукчами. И они, в отличие от столкновений чукчей с В.Г. Кузнецовой, могли заканчиваться побоями, т.е. физическим насилием.

Ситуации насилия представляют собой частный вариант социального взаимодействия. Почему они происходят — тема отдельного исследования. Как отметил, К. Вульф «феномены насилия исключительно сложны», а мы в действительности не знаем, что такое насилие и почему оно возникает [Вульф 2012: 186–187]. Автор, развивая эту мысль, пишет, что «многие акты насилия совершаются почти беспричинно», «спонтанно и неконтролируемо» [Там же: 187]. «Часто насильники и жертвы позднее уже больше не знают, почему совершались эти насильственные акты» [Там же]. Но фактом остается неизбежность насилия во всех культурах, оно является «условием человеческой жизни и человеческой социализации» [Там же: 176].

Внимание к физическому насилию как социальному явлению в рамках данного исследования оправдывается тем, что в ситуациях открытого конфликта, вызванных нарушением общепризнанной нормы, власть, обычно невидимая, становится предметом осмысления самими участниками взаимодействия: она заново обосновывается и «проговаривается». Кроме того, в акте применения физической силы она, приобретая телесное выражение, становится наглядной и очевидной для стороннего наблюдателя (например, исследователя). Власть предстает в форме «власти над телами других людей» [Вульф 2012: 177].

От Тымнэнэнтына доставалось всем домочадцам: и пастухам, и девушке Омрувакатгавыт, и даже его жене [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 364. Л. 49; Д. 367. Л. 10; Д. 377. Л. 9 об.]. Последняя также ругалась

и поднимала руку на девушку и мальчишек, но на хозяина — никогда [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 351. Л. 2 об.; Д. 364. Л. 11 об.; Д. 367. Л. 14 об.]. Причинами побоев, по большей части, являлись невыполненная или плохо выполненная работа, нерасторопность, отдых в неположенный момент времени.

Однажды В.Г. Кузнецова проснулась и услышала «удары ремня о мягкое, в пологе было темно, жирник еще не зажгли. Раздраженный Тымнэнэнтын лупцевал ремнем Омрувакатгавыт, говоря, — прежняя ты, ленивая, нерасторопная» [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 374. Л. 1]. Другим утром Тымнэнэнтын обнаружил, что мало воды для чая. Он попросил девушку сходить по воду. Но она замешкалась, одевая торбаза. Тогда старик взял ремень и ударил по голым плечам [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 364. Л. 49].

В яранге Тымнэнэнтыва за водой ходили Омрувакатгавыт или Омрыятгыргын, а также В.Г. Кузнецова. Хозяйка, тем более хозяин, этого не делали [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 363. Л. 4 об.]. Как-то после очередной семейной ссоры хозяйка сама пошла за водой. По дороге ее перехватила Омрувакатгавыт и забрала чайник, предотвратив, таким образом, будущие упреки [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 359. Л. 13 — 13 об.]. Наблюдая за жителями соседнего стойбища Номгыргына, с которыми обитатели яранг Тымнэнэнтыва брали воду из одной проруби, В.Г. Кузнецова отметила, что она не видела ни одну взрослую женщину, которая ходила бы за водой, всегда это делают девочки. В свете сказанного становится понятным, почему Тымнэнэнтын и Эттыкутевыт сильно раздражались, когда вода отсутствовала: это воспринималось как невыполнение девушкой, мальчишкой, а также В.Г. Кузнецовой их обязанностей.

Не нравилось также несвоевременное выполнение просьб. Девушка в маленьком пологе шила свой *кэркэр* (меховой женский комбинезон — перев. с чук.). Хозяйка ей сказала: «Сними полог, его нужно уложить на нарты». Но Омрувакатгавыт продолжала шить. После этого хозяйка выскочила, сняла обе палки, подпирающие полог, отвязала завязки, привязанные к жерди и державшие заднюю стенку полога, и свалила на землю полог, внутри которого все еще находилась девушка. Затем, пиная ногами и таща руками, поволокла полог к выходу. У выхода бросила его. Из кучи меха,

из под полога вылезла девушка, красная и заплаканная [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 364. Л. 11 об.].

Нерасторопность в работе могла стать поводом для ссоры. Омрувакатгавыт рубила в *чоттагыне* кости. Хозяйка закричала на нее из полога: «*Торопись, быстрее работай*». А затем, разъяренная, выскочила в *чоттагын* и набросилась на девушку [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 364. Л. 27].

Пастухам тоже доставалось от хозяев. Однажды Тымнэнэтын стал раздражаться, «*что Ятгыргын не просыпался. Старик заругался, но парень продолжал спать. Тымнэнэтын схватил ремень и с силой ударил по спящему. Парень проснулся и сел. По голой спине парня старик хлестнул еще раза три, продолжая ругаться. Ятгыргын молчал, одел нижнюю рубаху, порка больше не повторялась. “Держите стадо на потравленных местах и теряете оленей, — ругался Тымнэнэтын, — только и думаете о еде, — продолжал он*» [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 377. Л. 9 об.].

Можно было бы допустить, что физическое доминирование в стойбище Тымнэнэтына было результатом его личностных психологических характеристик. Пожалуй, индивидуальные особенности влияют на частоту применения данного метода, но не более того. Примеры других семейных коллективов, которые удалось наблюдать В.Г. Кузнецовой, говорят о том, что в целом это была если не общая, то по крайней мере относительно распространенная практика для амгуэмских чукчей.

Побои случались и в стойбище чаунского колхозника, старика Гемына. Исследовательница наблюдала их по отношению к девушке-работнице Гемачевуйне — дочери старика [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 378. Л. 3 об.]. Младшая жена Номгыргына Пэнас также подвергалась физическому насилию [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 349. Л. 8; Д. 362. Л. 10]. Она даже несколько раз пыталась сбежать от своего мужа в другие стойбища [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 349. Л. 8; Д. 362. Л. 10; Д. 387. Л. 11 — 11 об.]. В стойбище чаунских колхозников хозяйка Етгын была девочку-работницу [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 387. Л. 4]. Тымнэлькот и его жена Чейвуна применяли физическое насилие по отношению к девочке-работнице Тымнены [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 365. Л. 93; Д. 367. Л. 46 — 46 об.]. Тымнэлькот так же воспитывал

мальчишек-пастушат [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 340. Л. 45 об.; Д. 391. Л. 14 об.].

Конкретные примеры проявлений насилия содержатся также в материалах, относящихся к различным регионам Чукотки и временным периодам: у путешественников XVIII — начала XX в. Несмотря на то что данные авторы не были так близко знакомы с внутрисемейной жизнью чукчей, как В.Г. Кузнецова, им все же тоже пришлось столкнуться с этой стороной их жизни [Кибер 1824: 118–119; Аргентов 1857 б: 44; Галкин 1929: 111; Гилев 1978: 156; Мерк 1978: 130, 141].

Акцентируя внимание на применении физической силы в чукотских стойбищах, я вовсе не хочу сказать, что власть реализовывалась преимущественно в такой форме. Ведь происходило это далеко не каждый день. Конечно, «нанесение физического страдания» было действенным способом заставить других людей выполнять ту или иную работу, т.е. подчинить их своей воле [Тишков 2001: 12]. Например, после побоев мальчишек-пастухов Тымнэлькотом, не желавших собирать разбегающихся оленей, *«им как бы приделали крылья»*, и они *«быстро и спешно стали сгонять моокоров (упряжной олень для грузовых нарт — перев. с чук.)»*. *«Откуда у них и прыть взялась»?* — удивлялась В.Г. Кузнецова [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 391. Л. 15]. Однако в большинстве случаев достаточно было одного взгляда, и иногда даже одного появления хозяина стойбища, чтобы домочадцы принялись за выполнение порученной им работы. Примеры такого поведения чукчей приводились выше.

Итак, какие выводы можно сделать, анализируя случаи насильственных действий у амгуэмских оленеводов?

Во-первых, наказания были санкционированы не институтами или учреждениями, а осуществлялись лично — конкретным человеком. В большинстве случаев таким исполнителем был глава семьи. В силу аморфности социальной организации чукчей именно на лидере коллектива лежала основная ответственность за успех этого сообщества и благополучие людей. Соответственно он и наказывал домочадцев при необходимости.

Во-вторых, власть в большинстве случаев была признана всеми участниками рассмотренных интеракций. «Жертвы» не сопротив-

лялись и не возражали, как правило, все побои сносили покорно и безответно, несмотря на то что подчас они были весьма суровыми: после порки Тымнэнэнтына пастушонок Онпыгыргын даже хромал на следующий день [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 380. Л. 2 об.]. Как отметила В.Г. Кузнецова, «характер чукчей — не возражать, выкашивать послушание» [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 357. Л. 7].

Следуя логике К. Вульфа, можно сказать, что запрет «не возражать» человеку, обладающему властью, предотвращал миметические кризисы [Вульф 2012: 175–188]. Суть последних заключается в следующем: «Миметическое усвоение взглядов и способов поведения зачастую создает конкуренцию и соперничество, которые становятся источниками актов насилия» [Вульф 2012: 179]. Преодолеваются эти кризисы, ведущие к стремительному росту насильственных действий, за счет запретов и ритуалов.

Однако порой происходило противодействие случившемуся насилию. Если люди были примерно равного статуса, то физическое доминирование встречало отпор. Например, драки и ссоры случались между Омрувакатгавыт и ее братом Омрыятгыргыном. Характерно, что они приобретали форму взаимных препирательств, что говорит о приблизительно равном статусе брата и сестры. В каждой ситуации их столкновения интересов необходимо было заново определять властные диспозиции.

Приведу выдержку из дневников:

«У брата с сестрой произошла драка. Мальчишка сел <...> вблизи внесенного горячего чайника и кастрюли. <...> Начав кушать, <...> расплескал на айкол горячий чай. Сестра сказала: “Отодвинься”. Но мальчишка не хотел. Она схватила его за ворот нижней меховой рубахи, отшвырнула и начала тужить. Мальчишка заревел во все горло» [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 372. Л. 10].

Если в стойбище Тымнэнэнтына влияние главы было общепризнанным, то в других семьях лидер мог отсутствовать или быть не столь явным. Как отмечал еще Н.Ф. Каллиников, «сообразно характеру доминирующего лица, подчинение в каждом отдельном

случае выражается в большей или меньшей степени» [Каллиников 1912: 82].

Авторитет в коллективе у чукчей не являлся автоматическим следствием возраста человека, наличия оленей, яранги, жены детей и проч. К нему нужно было прийти, заслужить его, добиться. Поэтому существовали стойбища и яранги, где данный вопрос не был решен однозначно и очевидный лидер отсутствовал. Физическое насилие в таких коллективах разрешалось соответствующим образом. Примером может стать яранга Гырголя, который жил со своей женой Ринтыной и их детьми. Он мог ударить свою жену, но за его ударом следовала сдача, и начиналась драка [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 395. Л. 7]. Побой же Тымнэнэнтына всеми, в том числе его женой, воспринимались смиренно, как вполне оправданные действия главы семьи.

В-третьих, анализируя ситуации применения силы, можно увидеть ее протяженность и границы. Ни один актер не обладал абсолютной властью. Напротив, она всегда относительна и ситуативна. Относительность влияния любого человека можно увидеть, если посмотреть на отношения доминирования / подчинения, в том числе физического подчинения, у чукчей на трех уровнях: уровень яранги, уровень стойбища, уровень группы соседних стойбищ. Глава семьи может применять насилие к своим домочадцам, как это делал Тымнэнэнтын, но на воспитание членов других яранг, тем более стойбищ, накладывались ограничения. Тымнэнэнтын мог наказать пастухат его стада из других яранг и даже стойбищ, но девушек-работниц он не трогал [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 380. Л. 2 об.]. Полагаю, что выполняемая ими работа просто находилась не в его ведении.

В дневниках есть только одно описание, в котором Тымнэнэнтын замахнулся ремнем на девочку из чужой яранги — яранги его брата Тымнэлькота [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 367. Л. 45 — 46 об.]. Тымнены рано утром зашла в ярангу хозяина стойбища «почти голая», в одном нижнем *кэркэре*. Позже выяснилось, что она сбежала из своего дома, так как у нее произошла ссора с хозяевами. Тымнэнэнтын впустил девочку в полог, накормил, но после попросил идти к себе домой. Тымнены, ничего не объясняя, отказывалась

уходить. Тогда старик замахнулся на нее ремнем. В данном случае насилие почти произошло, но причиной стала не плохо выполненная работа, а самовольное нахождение человека в доме Тымнэнэнтына.

Границы «властелинства» через анализ насильственных действий можно также показать на следующем примере. Когда Тымнэнькот, ставший хозяином стойбища после смерти Тымнэнэнтына, избивал пастушат за нерадивый присмотр за стадом, то мальчишка из «чужой» яранги — из другого стойбища (с которым объединили стада на летний период), получил наименьшее количество ударов [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 391. Л. 15]. Власть хозяина стойбища ослабевала за пределами его яранг. Это выражалось в ограничениях его доминирования, в том числе ограничениях применения физического насилия.

Границы влияния и ситуативность власти

Безусловно, поля влияния можно увидеть не только на примерах применения физической силы, но и других форм интеракции. Как уже отмечалось, Тымнэнэнтын регулярно отдавал распоряжения о работе своим домочадцам, включая жену. Выражалось это в просьбах что-то сделать, высказываемых лично. Однако в хозяйственные дела жителей яранги Тымнэнькота Тымнэнэнтын и его жена не вмешивались. Исключение составляли вопросы, связанные с кочевкой (см. выше). Участие в хозяйственной жизни соседей происходило только в том случае, если хозяева соседней яранги отсутствовали. Так, во время отсутствия Тымнэнэнтына и Эттыкутгевыт Чейвуна приходила в их ярангу и давала указания оставшейся девушке и Варваре Григорьевне: выбить полог, сварить мясо, разогреть воду [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 365. Л. 62; Д. 372. Л. 11 об.]. Правда, стоит отметить, что девушка не особо ее слушалась, что еще раз подтверждает ослабевание власти за пределами яранги.

За пределами стойбища влияние человека распространялось еще в меньшей степени. Уважаемым в Амгуэмской тундре оленеводам, таким как Тымнэнэнтын или Номгыргын, оказывали знаки почета (в основном это выражалась во время гостевых визитов). Но у них

практически не было возможности влиять на агентивность людей из других стойбищ, т.е. не было власти над ними. Когда Номгыргын решил изменить направление кочевки из-за дурного предзнаменования, а Тымнэнэнтын решил продолжить прежний путь, ни один, ни другой не могли напрямую повлиять на выбор друг друга. Когда Омрувакатгавыт сбежала в стойбище Гемын, Тымнэнэнтын не мог заставить последнего не принимать к себе беглянку.

Слабость влияния главы отдельного стойбища (даже очень сильного и состоятельного) за его пределами подмечалась неоднократно. Эта особенность социальных отношений привлекала внимание авторов со времен первых контактов с чукчами, так как волновала представителей государственной власти: в ситуации «безначалия» было сложно найти тойонов для осуществления через них политики косвенного управления (о «косвенном управлении» см. [Бочаров 2007: 70–72]). Впоследствии этот сюжет развивали ученые-этнографы, так как пытались решить «проблему рода» у палеоазиатов и понять причины аморфности социальной организации чукчей [Богораз 1934: VIII; Вдовин 1948: 56–70; Вдовин 1950: 73–100; Вдовин 1965: 79–101, 193–219; Симченко 1970: 313–331].

Приведу конкретные описания, свидетельствующие об этой особенности социального строя чукчей. Упомянувшийся казак Борис Кузнецкий, два года находившийся в плену у «лутчего оленного мужика Мего», владельца стада в 2000 голов, доносил, что *«предписанные чукчи главного командира над собою не имеют, а живут всякой лутчей мужик своими родниками собою и тех лутчих мужиков яко старшин признавают и почитают по тому только одному случаю, кто более имеет у себя оленей, но и их вменяют ни во что, для того ежели хотя за малое что осердятся, то и убить их до смерти готовы»* [Колониальная политика... 1935: 180–184].

Участник Северо-Восточной географической экспедиции Г.А. Сарычев писал, что чукчи *«особенных властей или начальников не имеют, а почитают в каждом таком обществе одного, который богаче прочих и имеет большое семейство. Дальнего повиновения ему не оказывают: он может только преподавать советы и воздерживать от дерзостей или худых поступков одними словами, но никого не имеет власти наказывать»* [Сарычев 1952: 186].

Другой участник экспедиции И.И. Биллингса, И. Кобелев, подчеркивал автономность не только стойбища, но и отдельного индивида: *«Закона над собою не имеют, а живут каждый по своей власти, а иногда в злобах между собою: сын отца, брат брата, племянник дядю убивают не из чего, из одной злости. За то ни от кого судим или наказан не бывает, а кто как себе вздумать может, так и находится, да и впредь начальников над собою иметь не желают»* [Кобелев 1978: 164].

Ф.Ф. Матюшкин, находясь в составе экспедиции Ф.П. Врангеля, посетил Анюйскую ярмарку. Там он наблюдал, что по прибытии чукчи *«расположились девятью отдельными станами, каждый родоначальник со своими домочадцами»* [Врангель 1948: 175]. Тем самым проявлялась независимость каждого хозяйства относительно друг друга.

Г.Л. Майдель писал, что *«у чукчей нет начальников над родами»*, а царит *«эта странная анархия»*. Ему *«никогда не приходилось иметь дела с признанным главой всего народа или даже с главой какого-либо рода, но всегда казалось, что руководителями небольших групп выступали всякий раз какие-нибудь лица особенно богатые и потому пользовавшиеся уважением и властью; вместе с тем было ясно, что такого рода полномочия сами по себе были очень незначительны, да и продолжались очень короткое время»* [Майдель 1894: 89–90].

А.В. Олсуфьев, командированный в Анадырскую округу в 1892 г., отмечал, что в социальном устройстве чукчей нет власти старшин или выборной, нет даже деления на группы, роды [Олсуфьев 1896: 90]. *«Подчинение старшему в семье всех ее членов совершенно безпрекословное <...> [но] вне тесного круга семьи чукчи совершенно независимы»* [Олсуфьев 1896: 108].

Путешественник Б. Горовский, побывавший на Чукотке в начале XX в., также подчеркивал, что власть главы семьи не распространяется дальше его семейного окружения: *«Живут чукчи обыкновенно по пять, шесть семей вместе, причем самый старший (или, часто, самый богатый из стариков) выбирается “тойоном” — вождем и руководителем всей общей семьи; такой руководитель пользуется громадным уважением и авторитетом, обра-*

зовавшаяся под его начальством большая семья живет своей отдельной жизнью» [Горовский 1914: 5]. Наконец, Н.Ф. Каллиников писал в том же духе, что «каждая семья живет отдельной, вполне самостоятельной и независимой жизнью» [Каллиников 1912: 81].

Таким образом, ослабевание влиятельности главы семьи, даже очень сильного и богатого, за пределами его яранги и тем более стойбища очевидно. Но, развивая идею ситуативности власти, я продемонстрирую, что и в рамках одной яранги властные отношения отличались пластичностью, т.е. зависели от контекста. Например, Ятгыргын в отсутствии Тымнэнэнтына и его жены начал вести себя как хозяин и даже раздавать указания другим ребятам [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2, Д. 365. Л. 60 об.; Д. 367. Л. 26–28]. Омрувакатгавыт при жизни родной матери меньше работала и больше отдыхала, чем после появления в доме мачехи.

Более того, диадные отношения между конкретными актерами также не были однозначно зафиксированы. Тымнэнэнтын, непосредственно влиявший на агентивность своей племянницы на протяжении нескольких лет, после ее побега утратил эту власть полностью.

В.Г. Кузнецова сама неоднократно переживала изменение своего статуса в зависимости от контекста. Наведываясь в гости в какое-либо новое стойбище, она встречала радушный прием. Ее статус на протяжении нескольких дней был высок. Но если она задерживалась дольше ожидаемого времени, хозяева начинали намекать о ее уходе, порой в резкой форме, или ожидать от нее участия в трудовой деятельности [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 371. Л. 11; Д. 378. Л. 6 об.; Д. 379. Л. 8–9].

В яранге самого Тымнэнэнтына положение исследовательницы также менялось не раз, что она не могла не почувствовать. В дневниках В.Г. Кузнецова делилась своим опытом. В этой связи интерес представляет случай, произошедший 1 марта 1951 г. [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 374]. Дневниковые записи В.Г. Кузнецовой говорят о том, что у Тымнэнэнтына было какое-то серьезное заболевание пищеварительной системы [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 376. Л. 7 об. — 8]. Периодически у него случались приступы сильных болей внизу живота. Во время них он не мог ни работать, ни ходить, ни есть,

ни спать. Он ложился в полог и стонал. Через какое-то время, иногда быстро, иногда через целый день или ночь, боль утихала, а старик вновь возвращался к своим каждодневным делам. Единственным лекарством был камень, разогревавшийся на очаге хозяйкой и клавшийся в специально сшитый ею для этих целей ровдужный мешочек [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 389. Л. 2 об.]. Тымнэнэтын прикладывал его к больному месту, и острая боль отпускала.

В.Г. Кузнецова в один из приступов Тымнэнэтына предложила ему самому сделать себе массаж. Но выяснялось, что он «о массаже и представления не имеет», и исследовательница «решила после чая массажировать старика. Ладони рук смазала жиром из жирника и начала массаж от нижней части живота. Старик лежал в меховой рубахе под иниргином (одеяло — перев. с чук.), без штанов; через несколько минут он перестал стонать, а затем заснул. <...> Около часа спал Тымнэнэтын, сначала на спине, затем перевернулся на бок. Проснулся без стонов, попросил согреть чай» [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 374. Л. 2 — 2 об.]. Таким образом, массаж помог больному, и впоследствии В.Г. Кузнецова еще несколько раз «лечила» старика [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 376. Л. 7 об.; Д. 389. Л. 2].

Для нашего вопроса важно то, что после чудесного исцеления исследовательницей хозяина отношение к ней в яранге сразу же изменилось. В дневнике уже на следующий день она записала: «После моей помощи в излечении Тымнэнэтына, вчера и часть сегодняшнего дня, хозяйка со мной была вежлива, не кричала на меня, не унижала меня. <...> Омрувакатгавыт сама, чего с ней никогда не случалось раньше, предложила сбить мою одежду перед заходом в полог» [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 375. Л. 1 об.].

Метаморфозы статусов в чукотских ярангах на собственном опыте пережили также спутники И.И. Биллингса. Капитан экспедиции «решился сам с малым числом <...> команды ехать с чукчами берегом, кругом Ледовитого моря, и описать Шелагский нос. На сей конец уговорил чукотского тоена Имлерата Киренева, чтобы он согласился на своих оленях доставить его в Нижне-Колымский острог» [Сарычев 1952: 188]. И.И. Биллингс щедро одаривал своего проводника различными предметами, такими как табак, стеклянные пронизки, железо, наковальня, большой молот, топо-

ры, ножи, ножницы, зеркала, иголки, листовая медь, ружье, порох, дробь [Сарычев 1952: 239]. Имлерат был, можно полагать, очень доволен щедростью начальника и оказываемой ему честью. Экспедицию принимали очень хорошо: кормили сытно, обеспечивали теплый кров, не принуждали к работам.

Когда же глава экспедиции перешел в другое стойбище, вместе со своими подарками, Имлерату это не понравилось, а оставшихся в его лагере членов экспедиции он стал воспринимать как обузу [Сарычев 1952: 251]. В результате «прочие спутники» И.И. Биллингса, оставшиеся у прежнего хозяина, «с сего времени много претерпели от чукчей, которые стали обходиться с ними весьма грубо и даже заставляли работать и посылали собирать прутья ивняка для варения пищи, кормили как собак, бросая им куски сырого оленьего мяса» [Сарычев 1952: 247]. Один из этих спутников записал в своем дневнике о происходившем буквально следующее: «Прибежал ко мне мой хозяин чукча (Имлерат. — Е.Д.) и плевал мне в глаза и ударил, говорит, что начальник экспедиции уехал далеко, табаку и коральков нам-де нету, то принужден ему дать табаку папушу и две с половиною нитки коральков» [Гилев 1978: 157].

Таким образом, можно заключить, что власть в чукотских стойбищах не привязана к субъекту. Доминирование / подчинение является неотъемлемой частью интеракции и всегда зависит непосредственно от контекста конкретного взаимодействия. В то же время распределение властного ресурса между индивидами не произвольно. Поэтому в каждом стойбище в определенные периоды будут свои тенденции в расстановке сил. Она будет зависеть от накопленного акторами капитала различных видов и специфики конкретной ситуации.

Умения (навыки) как властный ресурс

Вопрос о видах капитала и путях его накопления заслуживает отдельного детального исследования. В рамках данной работы в качестве примера следует подробнее рассмотреть один из возможных способов приобретения власти человеком. Полагаю, что

власть не только проявляла себя в хозяйственно-экономической деятельности чукчей, но и частично аккумулировалась индивидами через нее. Речь идет о навыках или умениях, которые могут быть рассмотрены как ресурс. Престиж человека в чукотских стойбищах зависел, в частности, от его умений в различных видах хозяйственно-экономической деятельности. Уже отмечалась непосредственная связь между «оленной удачей» главы стойбища, его умениями руководить всем процессом содержания стада и его статусом как внутри своего коллектива, так и среди соседних стойбищ.

Аналогичная корреляция, т.е. связь между хозяйственными навыками и статусом индивида, его престижем, может быть выявлена на примере любого члена семейного коллектива (за исключением детей, не участвовавших в трудовой деятельности¹⁰). Пастухи гордились своими умениями охранять стадо, способностью распознавать своих оленей, пользоваться арканом. Между ними существовала конкуренция за признание их умений, ведь это повышало их престиж.

Ятгыргын как-то спросил В.Г. Кузнецову, кто самый лучший пастух у них в стаде. Исследовательница решила польстить парню и ответила, что он — лучший пастух. Ятгыргын радостно заулыбался в ответ [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 355. Л. 4 об.]. В другой раз юноша вновь поднял волнующий его вопрос: *«Из всех стойбищ, если взять молодежь моего возраста, кто больше всех и лучше всех работает? — Ты. Ты и каждодневный ночной пастух в стаде, ты и работник по дому — носишь воду, лед, собираешь хворост, строишь ярангу после кочевки»*, — говорила этнограф, зная, что этот ответ удовлетворит парня [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 367. Л. 59].

В действительности в стойбище о нем говорили как о не очень хорошем пастухе. Рассказывали, что как-то зимой он забил для гостя Таегыргына его собственного оленя (а должен был забить оленя Тымнэнэнтына) [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 355. Л. 5]. Но не столь важно, насколько хорошим пастухом был Ятгыргын в свои 16 лет.

¹⁰ До шести-семи лет у детей была значительная свобода, все свое время они проводили в играх. Активное участие в хозяйственной жизни стойбища начиналось в девять-десять лет [Чесноков 1988: 147; Чесноков 2000: 174].

Показательно, что сам он хотел казаться знатоком оленей. Он говорил о себе, что если он заснет и во время сна придет чужой олень в стадо, то, проснувшись, он сразу увидит его, так как у него другая голова, ноги и все туловище [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 355. Л. 5].

Женщины, главным образом, занимавшиеся домашними работами, такими как выделка и обработка шкур, крой и шитье, уборка, приготовление еды, также гордились своими умениями. Свое мастерство и искусство в полной мере можно было проявить в пошиве одежды. Отправляясь в чужое стойбище, чукчи старались показать себя, в том числе похвастаться красивыми нарядами. Как писал А. Аргентов, *«соскучась дома, чукча отправляется куда-нибудь в гости, на праздник к соседу, одевается в лучшее платье и несетя на лучших беговых оленях в легких санках, к которым непременно подстегнуто копые»* [Аргентов 1857 а: 93].

Летом, во время изготовления новой одежды, обновки как предмет гордости ходили показывать в соседние яранги и стойбища [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 353. Л. 4 — 4 об.; Д. 358. Л. 6; Д. 361. Л. 12]. Их одевали и демонстрировали, а потом снимали, чтобы одеть только зимой с наступлением холодов [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 361. Л. 12]. Омрувакатгавыт, сшив себе новую кухлянку, пошла сначала показаться в соседнюю ярангу Чейвуны и Тымнэлькота, а затем в ближайшее стойбище Номгыргына. Показывая свою обнову, девушка обошла все три яранги стойбища, а затем вернулась домой. По ее возвращении хозяйка Эттыкутгевыт сразу поинтересовалась у Омрувакатгавыт, что говорят соседи [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 358. Л. 6].

Отмечу, что особенности одежды человека могли сказать кое-что и о его влиятельности. В этнографической литературе есть указания на то, что отделка одеяний зависела от состоятельности их владельца. Г.Л. Майдель, например, отметил, что *«зажиточный чукча очень стремится к тому, чтобы иметь зимнюю шапку из белого полярного волка, и ценит ее тем выше, чем она белее»* [Майдель 1894: 205]. И. Кибер, участник экспедиции И.И. Биллингса, писал, что *«воротник рубашки делается из ремня собачьей шкуры, а у богатых — из волчьего меха, которого длинная шерсть падает на плечи»* [Кибер 1824: 106]. А.В. Олсуфьев обратил внимание, что

«особенным же щегольством считается, если кухлянка оторочена узкой полосой меха росомахи» [Олсуфьев 1896: 101]. Однако данные описания весьма лаконичны. В дневниках же В.Г. Кузнецовой эта тема, к сожалению, не раскрыта.

Завершая рассмотрение вопроса о навыках в том или ином ремесле и их содействии росту авторитета человека, обращусь к жизненной истории одного чукчи. На примере Тынагыргына, жителя стойбища Номгыргына, продемонстрирую, как данный ресурс — умения — мог использоваться индивидом в реальной жизни. Его судьба не совсем обычна и весьма интересна. Чукчи называли его *лейвыткулит*, т.е. бродягой или бездомным [Молл, Инэнликэй 2005: 78]. На самом деле у него была яранга и жена. Правда, у него не было своих оленей [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 338. Л. 1 об. — 2], поэтому он подселся к людям в разных стойбищах на ущемленных правах (ведь остальные жители должны были снабжать его и мясом, и шкурами). В период проведения В.Г. Кузнецовой ее работы он жил в ярангах Номгыргына. Причиной такого социального положения было физическое увечье, приобретенное им еще в детстве. Пытаясь догнать разбегающихся оленей, он споткнулся и вывихнул ногу, оставшись на всю жизнь хромым. Помогать в выпасе оленей он не мог, поэтому «карьера» пастуха-оленевода была для него закрыта.

Тынагыргын не мог стать «достопочтенным оленеводом» в силу своей физической ущербности, но и не превращался в жалкого бродягу, которого подкармливают, чтобы не дать умереть с голоду. Он ыл «мастером на все руки» [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 395. Л. 1]. Живя у Номгыргына, он участвовал в домашних работах [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 395. Л. 1. 16 об.; Д. 396. Л. 23].

Следует отметить, что мужские обязанности не ограничивались заботами о стаде. Хозяйственная деятельность взрослых мужчин, в том числе глав стойбищ, включала широкий спектр работ. Они заготавливали материал для нартов, ремонтировали старые и делали новые нарты, нарезали ремни из весенней безворсной шкуры оленя, необходимые для связывания частей нартов, плели веревки из ножных сухожилий оленя, использовавшиеся для упаковки грузовых нартов и привязывания покрывки к остову яранги, занимались

рыболовством и изготовлением средств лова, ездили собирать хворост для костра и даже иногда помогали женщинам в готовке и шитье [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 362. Л. 1; Д. 396. Л. 22 об.; Д. 404. Л. 5]. Тынагыргын всегда был желанным гостем и не оставался без крыши над головой. Он часто заходил к Тымнэнэнтыну и порой помогал ему в ремонте и изготовлении нарт [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 348. Л. 12 — 12 об.; Д. 351. Л. 1; Д. 358. Л. 4]. В свою очередь у Тымнэнэнтына его кормили, поили чаем, угощали табаком [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 356. Л. 10 об.].

Таким образом, с одной стороны, властный ресурс влиял на активность акторов, их включенность и погруженность в те или иные хозяйственные практики. С другой стороны, мастерство в различных сферах хозяйственной деятельности становилось ресурсом для человека. Демонстрируя его в рамках локального сообщества, актер повышал свой престиж, что, в свою очередь, могло впоследствии использоваться для реализации власти. При этом умения не были единственной составляющей символического капитала, поэтому являлись лишь одной из предпосылок для роста влияния человека.

Заключение

Подводя итог, следует еще раз подчеркнуть сделанные на основе анализа повседневных практик амгуэмских чукчей выводы. В семейно-родственных коллективах оленных чукчей властные отношения были частью их социальных отношений. Власть, будучи неотъемлемой составляющей интеракции, проявлялась и в хозяйственно-экономической деятельности, и в пространственном поведении, и в гостевом этикете, и в конфликтах, и в насилии, и в телесном опыте людей. Суть отношений доминирования / подчинения заключалась в том, что одни акторы структурировали действия других (см.: [Волков, Хархордин 2008: 178]).

Своеобразие «существования» власти у оленных чукчей заключалось в пластичности и ситуативности отношений власти. Оно, в свою очередь, непосредственно связано с их социальным устройством, которое можно назвать аморфным. Отсутствие жесткой социальной структуры с выстроенной иерархией различных кате-

горий людей являлось причиной отсутствия групп с четкими границами, наделенными властью или, наоборот, лишенными ее. Влиятельность основывалась не на законах, институтах, групповых структурах (например, родовой организации), а на личностных качествах людей. Благополучие, и даже выживание в небольших коллективах чукотских стойбищ зависело от действий, умений, способностей, характера каждого человека, но прежде всего хозяина. В таких условиях власть сильного и успешного главы коллектива, с одной стороны, была признана всеми его членами; а с другой — требовала от него постоянного утверждения и подтверждения своего лидерства и авторитета.

Архивные источники

- Кузнецова В.Г. О материальной и духовной культуре чукчей. Амгуэмская тундра 1948–1951 гг. // АМАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 334–408. 2045 л.
- Чесноков Ю.В. Традиционные формы трудового воспитания у оленеводческого населения Чукотки; традиционное природопользование оленеводов северо-востока / АМАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 1412. [1984]. 138 л.

Библиография

- Антропология насилия. СПб.: Наука, 2001. 531 с.
- Аргентов А. Описание николаевского Чаунского прихода // ЗСОРГО. 1857 а. Кн. 3. С. 79–106.
- Аргентов А. Путевые записки священника-миссионера в приполярной местности // ЗСОРГО. 1857 б. Кн. 4. С. 1–59.
- Богораз В.Г. Чукчи. Авторизованный пер. с английского: В 2 ч. Л.: Изд-во ин-та народов севера ЦИК СССР, 1934. Ч. 1. 191 с.
- Богораз В. Г. Материальная культура чукчей: Авторизованный пер. с английского. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1991. 224 с.
- Бурдые П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.
- Бурдые П. О символической власти // Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005 а. С. 87–96.
- Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть // Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005 б. С. 64–86.
- Бурдые П. Стратегии воспроизводства и способы господства // Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005 в. С. 97–120.

- Бурдые П.* Физическое и социальное пространства // Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии.; СПб.: Алетейя, 2005 г. С. 49–63.
- Волков В.В., Хархордин О.В.* Теория практик. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2008. 298 с.
- Бочаров В.В.* Колониализм: общественный и культурный процессы // Антропология власти: Хрестоматия по политической антропологии. Политическая культура и политические процессы. В 2 т. СПб.: СПбГУ, 2007. Т. 2. С. 67–85.
- Бутовская М.Л.* Универсальные механизмы контроля социальной напряженности и их эффективность в современном обществе // Антропология власти: Хрестоматия по политической антропологии. Политическая культура и политические процессы. В 2 т. СПб.: СПбГУ, 2007. Т. 2. С. 431–447.
- Вдовин И.С.* Из истории общественного строя чукчей // СЭ. 1948. № 3. С. 56–70.
- Вдовин И.С.* К истории общественного строя чукчей // Уч. зап. ЛГУ. 1950. № 115. С. 73–100.
- Вдовин И.С.* Очерки истории и этнографии чукчей. М.; Л.: Наука, 1965. 402 с.
- Вебер М.* Избранные произведения: пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
- Врангель Ф.П.* Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 гг. экспедицией под начальством флота лейтенанта Ф.П. Врангеля. М.: Изд-во Главсевморпути, 1948. 455 с.
- Вульф К.* К генезису социального: Мимезис, перформативность, ритуал. СПб.: Интерсоцис, 2009. 164 с.
- Вульф К.* Введение. Новое открытие эмоций // Чувство. Тело. Движение. М.: Канон, Реабилитация, 2011 а. С. 7–9.
- Вульф К.* Жесты как язык чувств. Миметический и перформативный характер жестов // Чувство. Тело. Движение. М.: Канон, Реабилитация, 2011 б. С. 80–104.
- Вульф К.* Антропология воспитания. М.: Праксис, 2012. 295 с.
- Галкин Н.А.* В земле полуночного солнца: Чукотский полуостров. Дневник наблюдений и впечатлений. М.; Л.: Молодая гвардия, 1929. 219 с.
- Гилев А.* Журнал чукотской земли // Этнографические материалы северо-восточной географической экспедиции: 1785–1795 гг. Магадан: Магаданское книжное изд-во, 1978. С. 155–157.
- Горовский Б.* (Подгурский Б. К.) Забытая русская земля: Чукотский полуостров и Камчатка. Путевые очерки с иллюстрациями и одной картой. СПб.: Типография тов-ва А.С. Суворина «Новое время», 1914. 122 с.

- Давыдова Е.А. Полевые дневники В.Г. Кузнецовой как этнографический источник // Университетский научный журнал. Филологические и исторические науки, искусствоведение: Научный журнал. 2015. № 15. С. 160–167.
- Каллиников Н. Ф. Наш крайний Северо-Восток. СПб.: Типография Морского министерства, 1912. 246 с.
- Кибер И. Чукчи // Сиб. Вестн. 1824. Кн. 9–10. Ч. 2. С. 87–126.
- Кобелев И. Журнал о путешествии вторично в Чукотскую землю сотника И. Кобелева // Этнографические материалы северо-восточной географической экспедиции: 1785–1795 гг. Магадан: Магаданское кн. изд-во, 1978. С. 161–165.
- Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке: Сборник архивных материалов. Л.: Ин-т народов Севера ЦИК СССР, 1935. 212 с.
- Кузнецова В.Г. Материалы по праздникам и обрядам амгуэмских чукчей // Тр. Института этнографии, новая серия. Т. XXXV, Сибирский этнографический сборник II, 1957. С. 263–326.
- Майдель Г. Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868–1870 гг. В 2 т. СПб.: Тип. Императ. АН, 1894. Т. 1. 595 с.
- Мерк К. Описание обычаев и образа жизни чукчей // Этнографические материалы северо-восточной географической экспедиции: 1785–1795 гг. Магадан: Магаданское кн. изд-во, 1978. С. 98–151.
- Михайлова Е.А. Фотографии из экспедиции Варвары Григорьевны Кузнецовой (1948–1951 гг.) // Иллюстративные коллекции Кунсткамеры (Сборник МАЭ. Т. LIX). СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 112–133.
- Михайлова Е.А. Скитания Варвары Кузнецовой: Чукотская экспедиция Варвары Григорьевны Кузнецовой. 1948–1951 гг. СПб.: МАЭ РАН, 2015. 190 с.
- Молл Т. А., Инэнликэй П. И. Чукотско-русский словарь: Пособие для учащихся 5–9 классов общеобразовательных учреждений. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: филиал изд-ва «Просвещение», 2005. 239 с.
- Норденишельд А.Э. Плавание на «Веге». В 2 т. Л.: Изд-во Главсевморпути, 1936. Т. 1. 503 с.
- Олсуфьев А.В. Общий очерк Анадырской округи ее экономического состояния и быта населения. СПб.: Тип. Императ. АН, 1896. 303 с.
- Сарычев Г.А. Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому океану и Восточному океану. М.: Гос. изд. геогр. лит., 1952. 326 с.
- Симченко Ю.Б. Особенности социальной организации палеоазиатов Крайнего Северо-Востока Сибири: коряки, чукчи, ительмены, эскимо-

- сы // Общественный строй у народов Северной Сибири: XVII — нач. XX в. М.: Наука, 1970. С. 313–331.
- Слюнин Н.В. Среди чукчей: с 6 рисунками. М.: т-во тип. А.И. Мамонтова, 1896. 46 с.
- Тишков В.А. Теория и практика насилия // Антропология насилия. СПб.: Наука., 2001. С. 7–38.
- Тишков В. А. Чечня как сцена и как роль // Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии. Политическая культура и политические процессы. В 2 т. СПб.: СПбГУ, 2007. Т. 2. С. 464–481.
- Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. 478 с.
- Хаховская Л. Н. Полевые исследования В.Г. Кузнецовой в Амгуэмской тундре // ЭО. 2016. № 3. С. 83–95.
- Чесноков Ю. В. Некоторые аспекты традиционного воспитания детей в культуре оленных чукчей и коряков // Традиционное воспитание детей у народов Сибири: Сборник статей. Л.: Наука, 1988. С. 140–151.
- Чесноков Ю. В. Игры оленных чукчей и коряков // Народные игры и игрушки. СПб.: МАЭ РАН, 2000. С. 173–184.
- Briggs J.* Conflict management in a modern Inuit community // Hunters and gatherers in the modern world: conflict, resistance, and self-determination. N.Y.: Berghahn Books, 2000. P. 110–124.
- Chagnon N.* Yanomamo. The fierce people. N.Y.: Holt, Rinehart, Winston, 1983. 224 p.
- Giddens E.* New rules of sociological method: A positive critique of interpretative sociologies. Cambridge; Oxford: Polity Press, 1993. 186 p.
- The anthropology of violence. Oxford: Blackwell, 1986. 232 p.